

Александр Никитенко

МОСТОВАЯ ВРЕМЁН

Стихотворения

Бишкек – 2013

Никитенко Александр Иванович. Мостовая времён.
Стихотворения. – Б.: Салам, 2013 г. – 248стр.

Мои книги на сайтах:

palindromon.narod.ru

literatura.kg

© Никитенко А. И.

© Мостовая времён, 2013 г.

1. ДО БЕРЕГОВ ДРУГИХ

VIVA VOCE*

Средь гонений и непониманья,
 среди истцов извечных и истиц
 удели хоть чуточку вниманья
 мне – частице всех твоих частиц.

В откровеньи отческого взгляда
 васильков пронзительная синь.
 Господи, мне ничего не надо,
 только не оставь и не покинь.

Принял много мёда я и яда.
 Боль свою и соль дала мне явь.
 Господи, мне ничего не надо,
 только не покинь и не оставь.

Только не забудь в последней смете,
 пребывая в сердце и вовне,
 что, пока я есть на белом свете,
 ты всегда со мною и во мне.

С нашим братом трудно тебе очень,
 знаю, сам пожил я меж людьми.
 Я не помышляю: «Дай мне, Отче!»
 Без остатка всё моё возьми.

16 июня 2012 г.

* Viva voce (лат.) – живым голосом; лично.

В МОЮ ЧЕСТЬ

Мальчишкою сельским
я так этот мир апробировал:
звонко
с крыши
в два пальца
свистал!
Не давал
голубям

сесть.

Они в синеву шарахались
и крыльями
мне
аплодировали.
Это были
первые овации в мою честь.

4 января 2008, 2012 гг.

ПОСЁЛОК

Серебро напорной башни,
над котельною труба
и по краю мёрзлой пашни
непросохшая тропа.

Степь дымит прозрачным паром,
искромётным на лету.
И огромным красным шаром
лезет Солнце в высоту.

Свет в крови и радость в нервах,
хмель в груди, как на пиру!
Шарит ветер в голых вербах,
розоватых поутру.

По реке в разводах синих
зыби блещут на бегу.
С треском скручивает спиннинг
рыболов на берегу.

Блеск в его глазах весёлых,
руки зябкие красны.

Перед этой классической синью,
опьяняющей вроде винца,
нам нельзя предаваться унынью
от того, что ей нету конца.

Мы ведь знаем откуда мы родом –
из горящей за каждым окном,
за околицей, за поворотом
млечной вечности с синим вином.

Мы давно заодно с небесами
по наитью сошлись и срослись.
Потому-то от века и сами
беспредельны, как даль или высь.
23 ноября 2005, 2012 гг.

Проходят надо мною облака –
причудливой фантазии примеры –
неспешно и несметно, как века
минувшие, как будущие эры,
плывут куда-то вдаль издалека.

Уносит их воздушная река
и плещет им в пушистые бока,
и синева речная глубока
и широка. И нет ей равной меры,
как нет её у совести и веры.

И я лежу, гляжу на облака,
под головой – затёкшая рука,
но двигаться не хочется, пока
душа летит в заоблачные сферы
и проникает дали и века,
где вместе астронавты и шумеры.

Душа всегда к бессмертию близка!
И если бы не едкий запах серы,
не присное присутствие химеры
рогатой, как козлы, - наверняка
она бы, как века и облака,
была всегда, их переняв размеры.

1988, 2007 гг.

МУРАВЕЙ

Лист плывёт – упал в бассейн,
 когда дунул суховей.
 По листу, семьёй посеян,
 пробегает муравей.
 Муравей – *formica rufa* –
 по-латыни, вспомнил я.
 Обыскалась, видно, друга
 муравьиная семья.
 Суется, бедолага,
 ткнувшись в мокрый край листка.
 А вокруг большая влага
 широка и глубока.
 Хорошо хоть чужд он мистик
 и не может знать того,
 что остался только листик
 в этой жизни у него.
 Я, жилец малоизвестный,
homo sapiens простой
 тоже тщусь пред чёрной бездной,
 перед вечной пустотой.

16 сентября 2008, 2011, 2012 гг.

Выгоревших патриний
рыжий сплошной курай
и над горами синий
неба узорный край.

Высь и размах простора!
И потому в пути
больше во мне простого,
ложного нет почти.

Наедине с природой
небо своей высоты
сложностями не уродуй
и суетой тщеты.

Каперсы розовеют.
Гулко гремит река.
Над ледниками веют
ветры и облака.

Солнце пылает ярко.
Знойная светизна.

Снова душа-дикарка
светом по край полна.

Бренность презрев и косность,
в вылет высокий свой
вышла в косматый космос
искоркой световой.

Тьму космогоний где-то
гонит, избыв меня,
малой крупницей света,
солнечного огня.

11 октября 2012 г.

Мои ночные поединки
с бумагой белой и пером!

Как под водой, в рассветной дымке
поля и ветлы за селом.

Я вышел в поле для разминки.
И даль со мной одних кровей –
как будто в технике размывки
исполненная акварель.

Какое ровное сиянье
от солнца в поле и в груди,
какое кровное слиянье
судьбы и дали впереди!

Я ночью был взрывоопасен,
я мыслью мучился взрывной.
Теперь я вечен и прекрасен,
как эта даль передо мной.

Как эта пыльная дорога,
как гиль враждующих идей,
где всё прекрасное – от Бога,
а остальное – от людей.

1988 г.

Ни врагу неведом я, ни другу.
Меркнет свет повсюду и во мне.
Господи, гремят на всю округу
листья под ногами в тишине!

Над пятном тишайшего заката
бездна высока и глубока,
перистою дымкой языката
с золотцем по кромке языка.

Ночь крадётся тихо, тише рыси,
к сердцу подбирается тайком.
И со мной темнеющие выси
говорят беззвучным языком.

Утопаю взглядом высоко я.
Сумерки души просквожены
редким откровением покоя
в сокровенной тайне тишины.

Вьётся рощей тусклая дорога,
вдалеке теряется во мгле.
Слушай тишину - услышишь Бога.
Он творит неслышно по земле.

3 ноября 2012 г.

Жизнь ушла на стихи и на песни.
Ты в огне поэтических лепт,
может, пушкинской славы наперсник,
а быть может, бесславья адепт.

Но пока не забудёт тебе глотку,
словно кляпом, сырая земля,
будешь выть по всему околотку,
как юродивый, чернь веселя.

15 ноября 2009, 2012 гг.

БАРАКИ

Я жил в бараках. Жили вы в бараках?
 Я – жил. Я вам свидетельствую: жил.
 И славу несдающегося в драках
 я в драках кулаками заслужил.

Жизнь скрежеща катилась, как на траках:
 раздоры, ссоры пьяные в бараках,
 от водки

 злой, отчаявшийся люд.

Я стервенел, и в драках был я лют.

Я не терпел униженности, хамства
 от жизни, протекавшей, как в бреду.
 Я чувствовал, что если ей поддамся,
 она меня раздавит на ходу.

Под гром кастрюль и копоть керосина,
 под вой детей и кухонную вонь
 я жил в бараках грязных.

Жить красиво
 мечтал, и даже в руки брал гармонь.

Мать-земля, ветра твои прогоркли
сыростью весенней и тоской.
Я стою на солнечном пригорке
вдалеке от тщетности мирской.

Маета и суетность людская,
вековечный холод пустоты.
Ветерок, остудой в грудь плеская,
треплет худосочные цветы.

Мне под ветровыми небесами,
мать-земля, спасая и храня,
тихо светишь синими глазами
тех, кто жил на свете до меня.

С бледным стеблем, как они отважны!
И над ними космос ледяной.
Может, я когда-нибудь однажды
так же гляну в вечность надо мной.

24 января 1988, 2011 гг.

СТАНОВЛЕНЬЕ

*Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.*

С. Есенин

Жми судьба,
презирай ковьяляние,
с маху
 прямо в простор
 выноси!

Я
любил
попадать под влияние
знаменитых поэтов Руси.

Не годилось
в святоши рядиться.
И меня
 начинала
лепить
поэтическая традиция –
пить до дна!
И свободу любить.

Без свободы
 тянулись пустыми
 дни мои.
 Это было давно.
 За свободу
 я в гаме и дыме
 пил до дна
 и ложился
 на дно.

Инфантильность сопутствует честным.
 Я искал возмужанья в вине.
 Это было, наверно, протестом
 против свинства в великой стране.

А когда нашумевшийся, вспухший
 унимал я похмельную дрожь,
 Александр Сергеевич Пушкин
 был всесилен, как спирт, и хорош.

Демонически желчно и ревностно,
 у презрения на краю,
 двадцатисемилетний Лермонтов
 мучил нежную совесть мою.

Пил я крепко и каялся крепко.
 А свобода имелась ввиду!

Только всё же духовная лепка
проходила не в пьяном бреду.

Этот чад меня вовсе не красил.
Оседала лишь горечь в крови.
И российская совесть - Некрасов
ставил ненависть мне на любви.

Наши классики – наши мессии.
Захотелось другого огня.
И новейшая муза России
как нарколол, спасала меня.

О свободе почти позабыли
в дни срамцов и державных глупцов.
Но пьянили меня и любили
Евтушенко, Глазков и Рубцов.

Как прозрела ценой покаяния
и свободна – кого ни спроси –
вся земля в результате влияния
знаменитых поэтов Руси!

Дух свободы мне в сердце посеян
русской музой.
Его берегу.

Мой Рубцов и весенний Есенин –
мои ландыши в чистом снегу.

Путь поэта –
ступанье по лезвию.

Позади
становленье моё.
Дайте водки!
Я
пью за поэзию.
А свобода – синоним её.

1995, 2012 гг.

МУЗЫКА

Шла безмузыкальная эпоха,
душу леденила, тяжела.
Музыка, как зябнущая кроха,
отогрелась в сердце, ожила.

Ветер выл и глухо дождь долдонил.
Разомлев от света и огня,
музыка, как птица из ладони,
вырвалась на волю из меня.

Ветер выл, шумела мгла ночная.
Понял я: по-птичьему вольна,
музыка не может быть ручная,
потому и музыка она.

Как её ни угревай, ни мучай
пленом человеческого тепла –
выпорхнула,
 парочку созвучий
обронив, как птица, из крыла.

Без неё мне мир и пуст и узок!
А она,
 растаяв
 за окном,
стаю гордых непокорных музык
настигала в космосе ночном.

22 февраля 1989, 2012 гг.

РАЗРЫВ

Возле сердца, как у бензобака,
боль метнулась чёртиком огня:
лихачём подбитая собака
с воем убегает от меня.

На груди болтается ошейник.
След кровавый страшен на снегу.
Я и сам – бродяга и отшельник –
от толпы в поля мои бегу.

Всё живое в мире – только эхо
боли, что пьяняща и тупа.
Как собаку «Хаммер» переехал,
так по мне проехала толпа.

Перед болью я срываю шляпу!
Принимаю боль, как анашу.
Как собака раненую лапу,
раненую душу уношу.

Боже, дай остыть ей в белом поле –
дальше от людей да и собак.
А не то рванёт она от боли,
как огня хвативший бензобак.

14 февраля 1988, 2012 гг.

ИВЫ

Пришёл я к проливному плакучим ивам –
к их двум холмам в косицах на лугу.
«Я не могу всё время жить с надрывом!
Тужить, как над обрывом, не могу!»

Мне дали тень в узорах листьев – ивы,
сквозь их шатёр светила синью высь.
И отступили все мои обрывы
и все мои надрывы посрослись.

Плакучим ивам впрок пошла плакучесть
моей живой приникшей к ним души.
Они мою былую злую участь
в себя вобрали в луговой тиши.

Я жаворонка слушал переливы,
объятый единеньем бытия,
в котором заодно сплотились ивы,
а может, Бог, а может быть, и я.

8 января 2006 г.

Я гимны прежние пою.

А. Пушкин

Когда я слышу гимн России
(вернее, гимн СССР,
который власти воскресили,
подправив текст на свой манер),

встаю и жгучих слёз не прячу.
Я оттого судьбою сер,
что ничего уже не значу
как гражданин СССР.

В России новые мессии.
Но помню я, судьбой гоним,
что гимн, звучащий по России,
когда-то был ведь и моим.

За рубежом российский этнос.
А здесь, в смешенье рас и вер,
мы вроде есть и вроде нет нас.
Но есть в нас гимн СССР.

Могуч, но отдыхает Глинка.
Его классический мотив
не сдюжил с гимном поединка.
Святому нет альтернатив.

Пой, пой, Россия дорогая,
свой гимн, помноженный на наш.
Пусть я не тот и ты другая.
А только музыка всё та ж!
1 мая 2008 г.

БОТАНИЧЕСКИЙ САД

прошлись аллеями два дяди
с совком совок и с лохом лох
посожалели о ботсаде
где буйствует чертополох

и было горько этим лохам
что без могучей совстраны
не то что сад с чертополохом
а и они тут не нужны

в разгуле рыночной эпохи
всё прошлое пошло на слом
лишь лохи и чертополохи
остались в память о былом

2 октября 2012 г.

ТЬМА

1

У нас в селе такие вечера!
 Красна от солнца на ветле кора,
 и вьётся золотая мошкара,
 устало стадо тянется –

пора

вечерней дойки.

Пыль стоит над стадом
 багряная.

Конец, конец надсадам
 дневных трудов.

Над чашами прудов
 звончее каждый звук перед закатом.

И в небе

необъятном

и покатом,

где синевой пронизан каждый атом,
 уже мерцает первая звезда.

И всё кругом –

и небо, и вода –

полно закатных красок: мгла и пламя
 сошлись на миг!

И побеждает мгла,
 ширь на прощанье чётче панорамя.

Душа моя уже изнемогла!

Пока ещё реалии села –
 постройки,
 стадо,
 старая ветла,
 развалины, где мельница была, -
 предлинные
 отбрасывают

тени.

Но и они всё призрачней в замене
 вечерней мглой – закатного огня.
 Уже прохладой веют на меня
 погасшие поля с неясной далью.
 И сердце переполнено печалью
 и грустью с наступленьем темноты.
 А небеса
 легки ещё, чисты,
 и тонет взгляд в их высоте фатальной.
 Но в темноте густеющей тотальной
 уже поля, дорога и кусты...

2

Привет тебе, ночная тьма!
 Ты – прародительница света.
 В судьбе у каждого поэта
 ты есть как мама и сума.

Я из палатки выполз: тьма и холод.
 И инеем покрытая трава.
 Я глянул ввысь, где, звёздами исколот,
 клубился чёрный космос естества.

Какая бездна звезд! И ночь, и холод.
 Вселенная распахнута до дна!
 И зарево вдали – там свет, там город,
 а здесь мороз! Трава бела, бледна.

От космоса вовеки не отвлечь нас!
 Глядел я вверх, к мирам летел иным.
 И звёздами заполненная вечность
 текла мне в кровь дыханьем ледяным.

Текла мне в кровь – так иней лезет в щели
 палатки посреди ночных степей.
 И звёзды, как молекулы, кишели
 в крови космогонической моей.

15 февраля 1988, 2005 гг.

*И всяк, кто только не поэт,
Морфею сладко предавался.
А. Пушкин*

Не спят поэты по ночам
за всех счастливых и обиженных,
за падших и судьбой возвышенных
и в главном, и по мелочам.

Не спят поэты по ночам.
Их болью – тьма времён просвечивается.
Судьба и память человечества
приходят властно к их очам.

Не спят поэты по ночам.
Сожгло сердца им сострадание.
Уснул они –
и мироздание
развалится
по кирпичам.

1983 г.

Мне Пушкин или Окуджава
привили жертвенности соль,
чтоб ваши боли остужала
моя хроническая боль.

Вас обездолит, обезволит
боль, словно стужа февраля.
Но вашу душу обезболит
моя душа, о вас боля.

Сквозь все века и все метели
ночами свет в окне не гас.
И сонмы душ ко мне летели,
чтоб пожалел я их и спас.

Чтоб заслонил их от недоли
и к свету вывел через тьму.
Чтоб их страдания и боли
мне оставались одному.

6 октября 2010, 2012 гг.

ДРУГ*Шарику*

Если человек приехал к другу,
значит, человеку нужен друг.
Понимает он мою услугу,
виновато хлеб берёт из рук.
Жадно ест – под шкурой ходят рёбра.
Бедолагу жалко мне до слёз.
На меня доверчиво и добро
исподлобья взглядывает пёс.
Сердцу в горле горячо и тесно –
столько откровенья и огня
в этом вот собачьем бессловесном
благодарном взгляде на меня...

Под мостом в углу своём холодном
ляжет он и дремлет с дрожью век.
И ему во сне полуголодном
снова снится хлеб и человек.

1988, 2007 гг.

СВОБОДА

Что́ жизнь?
 Что́ смерть ему? Детали!
Затылка даже не поскрёб.
Миф
 об Икаре и Дедале
его поднял на небоскрёб.

«Ты попадёшь, коль тут не сгинешь,
в сенсейшн ньюс энд уорлд рипорт.
Ведь сам почтенный мистер Гиннесс
во сне не видел твой рекорд!..»

Летит солёных пара шуток
в глубокий каменный мешок.
И в бездну
 вместе с парашютом
он жуткий делает прыжок.

Порхает купола тряпица,
минуя офисов броню.

Он был свободен,
 словно птица,
и сел на шумной авеню.

2 апреля 1987 г.

Барашки облаков пасутся над горами
в глубокой синеве, как в шёлковой траве.
И воздух чист и густ, и напоён парами
цветущих трав, и даль сквозит в его канве.

Стрекочущий Ан-2 заходит для посадки
совсем невдалеке, за чистым полем ржи,
и сел, и побежал, и ласточки-касатки
над птицею стальной снижают виражи.

Сложи в своей душе единый образ мира:
поля и самолёт, барашки облаков –
и отзвук даст она, как солнечная лира,
касанию ветров, сказанию веков.

1988, 2012 гг.

ПАРУСА

Какие
в нашем крае
паруса –
поля
да большаки под слоем пыли.
Но в час, когда легла в полях роса,
я видел их:
они
 в просторах
 плыли.

Быть может, это были облака,
прозрачные и лёгкие, как перья.
И я смотрел на них издалека,
исполненный ребячьего доверья.

В полях смеркалось,
ноги жгла роса.
Вечерний холод пронимал до дрожи.
А там, вдали,
летели
 паруса,
на давнюю мечту мою похожи.

Где Солнце село, высь была светла.
И на лазури,
словно кистью ломкой,
мечта моя
очерчена была
горящею, как золото, каёмкой.

И день угас.
За горы и леса
ушёл.
Иссякли голубые реки.

Я многое забыл с тех пор навеки.
Но не забуду:
плыли
паруса!

17 февраля 1983 г.

ОСОБЫ

Исполать тебе, женщина Люба!
 В одичавшем без света краю
 ненавязчиво, тихо, негрубо
 тянешь к свету особу мою.

Мы особы особого рода.
 В гуще спешки живём не спеша.
 Красотой нас врачует природа,
 высотой в нас кочует душа.

Потому и живётся нам трудно,
 на пределе поётся легко,
 что сердца наши движет подспудно
 тот, кто в небе живёт высоко.

Не кончается нами эпоха,
 продолжается в нас и потом
 всем размахом бездонного вдоха
 неохватных небес в голубом.

Скрипнут в царстве небесном засовы.
 И огонь возгорится в золе.

Жили-были две странных особы
не спеша на спешащей земле.

Как единое целое оба.
Под горящей звездой над судьбой.
Ты особа. Да я неособо.
Неособенный рядом с тобой.

Вспять направить судьбы колесо бы!
Да тому никогда не бывать.
К небу тянутся наши особы,
чтобы душами не остывать.
4 марта 2012 г.

Дикий, ходкий, меховой по-лисьи
снег обвально валит и блестит.
Кажется: окно куда-то в выси
вместе с подоконником летит.

Кулаками скулы подперев, я
вспоминаю в кухоньке своей,
как цвели весенние деревья –
словно снег по зелени ветвей.

Порываюсь в сумраке воспеть я,
благо свет в окошке не поблек,
сыплющие снежные соцветья
и цветов апрельских нежный снег.

17 марта 2012 г.

Мальчишки сельские устроили тарзанку
на дереве, склоненном над прудом.
К макушке прикрепили трос и планку.
Они обжили дерево, как дом.
Взбираются на ветви спозаранку
и, ухватив тарзанку, выгнув спину,
летят, повиснув, чуть не на средину
тенистого и чистого пруда,
выделявают сальто без труда
и, оттянув носочки, входят в воду
почти без брызг...

Мальчишечью породу
в них узнаю бедовую свою,
и долго возле дерева стою,
по-доброму завидую мальчишкам –
они приволье знают не по книжкам,
они ему свои в своём краю.
Ухватистые, ловкие, литые,
они потом пройдут пути любые,
скопив ума и мышцы накачав,
отсюда, от начала всех начал,
от дерева с рискованной тарзанкой
и от рассветной свежести нарзанной.
И будет долго сниться им потом
их дерево с тарзанкой над прудом.

27 апреля 1988, 2008 гг.

Лишь слегка отвернулся кузнечик
от моей многотонной ступни.
Житель трав по излучинам речек –
раздавить его Бог сохрани!

Я левее ступил, где осока,
состраданием к миру храним.
Ведь ступня неотступного рока
надо мной нависает самим.

В этом космосе эр и созвездий
всякой твари фатально равны
мы живём ощущеньем возмездий,
мы живём отпущеньем вины.

Может, тот, кто вселенными правит,
кто начала приводит в исход,
и меня сохранит, не раздавит,
пощадит и не пустит в расход.

23 августа 1988, 2011 гг.

Анэсу

Остынь у воды от своей невезухи.
Сухие глаза сфокусируй и сузь:
слетают на воду какие-то мухи
и ходят по ней, как ходил Иисус.

Летучие твари имеют победу
в сращенье стихий, наподобье Христа.
А ты бы и рад по воде и по небу,
да крылышек нет и походка не та.

А ты обречён лишь земному пределу
пути свои вверить. Хотя до конца
душа-то крылата. Но тленному телу
вовек своего не избежать свинца.

Ему не изведать ни слухом, ни духом
хождение по водам. И больше того,
возможно, Господь и сочувствовал мухам
не меньше, чем нам. Все мы твари его.

11 июня 2008 г.

БОГ

С соломой в бороде,
со взглядом родниковым,
встаёт он при звезде,
по-юношески прям.
На маковой заре
сенца даёт коровам,
и злаков золотых –
пичугам по лесам.

Все эти существа,
все эти божьи твари
хвалу ему поют
светло и горячо.
Он удовлетворён,
лукав и лучезарен.
И алый голубок
порхает на плечо.

Все птицы в синеве,
все заводи речные,
все рыбы в глубине,
все черви бытия –
послушные ему
как истины ручные
летят,
текут,

пльвут,
ползут
 во все
 края.

Довольный,
молоко
он пьёт парное козье.
Играет ветерок
лазоревым плащом.
А воздух голубой,
как крылышко стрекозье,
прозрачен и огнист,
и солнцем позлащён.

Бог чаёт:
доброта –
всему первооснова.
Как голубь на плече,
он прост и ласков сам.
И Солнца яркий шар
как золотое слово
по тверди голубой
идёт
 к мирским
 сердцам.

19 декабря 1987, 2012 гг.

У ДЕДА

Диме

На лежанку забрался с ногами,
лѐг и глянул ещё за окно:
яркий месяц стоит над снегами,
и светло, будто гонят кино.

За садами и дальше, до края
голубая искристая мга.
Тень легла через двор – от сарая,
а за нею – сияют снега!

Телевизорами не задета
эта древняя дрѐма села.
И уютная горница деда
от вселенского света светла.

Пахнет ветхим теплом штукатурка.
Вспрыгнув, мягко прокралась в ночи,
улеглась и мурлыкает Мурка
колыбельную мне на печи.

6 декабря 1986, 2005 гг.

ЛЁНЯ

В начальную школу мальчонкой
 ходил я в селе по траве.
 Там Лёня под ветхой шапчонкой
 сидел без царя в голове.

На солнышке нежился жмурко.
 Посадка немножко бочком.
 Нельзя же в селе без придурка.
 Вот Лёня и был дурачком.

Всегда он в улыбке, в привете,
 мужик, а как мы, малыши.
 И мы ему странности эти
 прощали от детской души.

Теперь там ни школы, ни Лёни.
 Там рынок кипит, как река.
 И тьма хитроумных в районе.
 Но нет одного – дурачка.

И холодом всех оковало
 таким, что и страшно сказать.
 А с Лёней теплее бывало,
 поскольку ну что с него взять.

16 ноября 1999 г.

Овсяг, осот, пырей –
 мои родные травы.
 Вся улица была
 заросшая травой.
 Но у других времён
 совсем другие нравы:
 покрыл её асфальт
 и стала мостовой.

Как долго я живу,
 как будто не одну я
 жизнь прожил на земле,
 а память всё жива:
 бывало лишь свернёшь
 на улицу ночную –
 и холодом обдаст
 росистая трава.

По россыпям росы
 и по холодной пыли
 сквозь улицу пройдёшь –
 озябнешь перед сном!
 На улице такой
 однажды жили-были
 мы на Земле былой
 в селении одном.

На шёлковой траве,
 едва скопив силёнки,
 резвились мы, мальцы,
 и не было затей
 достойнее у нас,
 и травяной зелёнки
 бывало не отмыть
 с коленок и локтей.

И сами, как трава,
 естественно и просто
 мы жили и росли.
 Везде была трава:
 на улице, в саду,
 и у крестов погоста –
 над прахами расти
 имела все права.

Трава росла везде.
 И это означало,
 что мы облечены
 всем ходом естества:
 трава встречает нас
 у самого начала,
 но и в конце всего –
 повальная трава.

Нет улицы моей!
Позатерялась в Лете.
Когда-нибудь в свой срок –
чем дальше, тем скорей –
взойдут и надо мной
мирские травы эти:
пырей, осот, овсюг,
осот, овсюг, пырей...

Взойдут и надо мной,
до неба доставая,
овсюг, пырей, осот,
мой долгий сон храня.

И лягут времена,
как эта мостовая
на травы давних лет –
на давнего меня.

24 декабря 1988 г.

ПАСХА

Я помню кладбище на Пасху,
обилье крашенных яиц,
и по вихрам чужую ласку,
и благолепье сельских лиц.

В районе не было церквушки.
Хозяйки, дошлые, как клушки,
бездомные и побирушки,
едва ползущие старушки,
и те, кто не просох с пирушки
и утренней похмельной кружки,
кто не хватает с неба звёзд,
коптит с полушки до полушки,
в полях гнобясь за трудодень,
и просто все кому не лень,
да два-три местных недотёмка –
в глазах любовь, в руках котомка –
им подаянье не балласт,
свинья не съест, а Бог подаст,
и те, кто мести избежали
в атеистической державе,
на страх и риск тайком держали
и завершили долгий пост, -
все, все тянулись на погост.

С утра какой-нибудь кирюха
уж лобызаться в губы лез –
зело играла в нём сивуха
как дух небес. Христос воскрес!

Пестрели солнечные пятна.
Высь не болела ни о ком.
С могил тянуло неприятно
примятым диким чесноком.

Он цвёл как раз. В его накрапах
могилы были и тропа.
Он испускал зловонный запах,
когда по травам шла толпа.

Крестили ширь кресты с оградкой.
Все были как одна семья.
И мир сиял большой загадкой,
где дух сильнее небытия.

И все провидели без страха:
когда навеки под крестом
они уснут как горстка праха,
душа сравнивается с Христом.

В карманы сныкав папироски
(знакомых много – засекут!),

мальчишки – дерзкие подростки –
мы тоже были тут как тут.

Курить рискованная привычка
тайком сплотила нас в селе.
Нам кто конфетку, кто яичко
давал народ навеселе.

Стаканы дядьки подымали.
А в нас входило из земли
всё то, что мы не понимали,
а смутно чувствовать могли.

8 февраля 1987, 2012 гг.

*Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.
Иван Бунин*

Померла жена, а сын запился.
Съехала сноха, забрав детей.
Он запил, и в угол свой забился,
котика завёл, и с ним забылся
от житейских стрессов и страстей.

Вместо прежней жизни наступили
тишина и тягостный покой.
Вместо тех, кто в доме жили-были,
по полу, бесцветному от пыли,
ходит котик, ласковый такой.

Котик моет лапкой ротик алый –
намывает в горницу гостей.
Но хозяин, старый и бывалый,
знает, что не будет их, пожалуй,
ни гостей, ни радостных вестей.

Он разогревает поздний ужин,
ест и пьёт, один глядит во тьму
за окном.

С ним только котик дружен...
Одинок и сед он, и не нужен
он теперь на свете никому.

Ветер, в дымоходе завывая,
не сулит от жизни ничего.
И хозяин спать идёт, зевая.
И мурлычет кот – душа живая
рядом с одиночеством его.

3 марта 1989, 2012 гг.

Среди предзимних скудных красок
 стоит десятка два дворов.
 И в джинсах маленький подпасок
 посвистывает на коров.

Ветровка моросью навоггла,
 но у мальчишки весел взгляд.
 Мне вслед внимательно и долго
 бурёнки дойные глядят.

Сырой листвы дымится ворох,
 и сапоги мои в грязи.
 Здесь поездов не видно скорых,
 аэропортов нет вблизи.

Дома́ – я видел и повыше.
 Но почему всего милей
 мне эти вымокшие крыши
 и мётлы голых тополей?

И почему сам чёрт не брат нам,
 когда отсюда вдалеке
 грызёт тоска о невозвратном
 и милом сердцу уголке?

В каких вагонах ни качало,
что́ ни бежало под крыло,
я помню: здесь моё начало,
и здесь, как в детстве, мне тепло.

Здесь, как подпасок, мал я ростом,
и светит в сердце среди полей
до слёз пронзительно и остро
мне чувство родины моей.

Почти с другого края света
спешу – и тень летит с лица –
под небо пасмурное это,
к ступеням старого крыльца.

1983, 2007, 27 мая 2012 гг.

Когда уже надежды нет
да и желанья драться нету,
бывает чёрен белый свет,
хотя глаза открыты свету.

Мои духовные лучи
во мне самом колдуют где-то.
Смыкаю веки я в ночи –
светло от внутреннего света.

5 апреля 2006, 2012 гг.

Солнца радужные спицы
меж сосновых лап в снегу.
С веток вспархивают птицы,
сыплют блёстками пургу.

Тени синие от сосен,
воздух звонок и морозен.
Снег сияет и слепит,
симфонически скрипит.

Ослепительной расцветки
промороженная синь.
И снегирь на снежной ветке
красной грудкой греет стынть.

Зимний сон лучист и светел.
Мимоходом за селом
эти краски я заметил
и согрел своим теплом.

8 ноября 2008 г.

БЕРЕГ

*И веют прелестью раздумья вечера.
Иван Бунин*

Присяду у зеркального пруда,
понаблюдаю как садится Солнце,
меняют цвет широкие поляны
с зелёного на тёмно-голубой.
Был у меня сегодня трудный день,
редакционной сутолоки полный.
Но вечер я отдам моим раздумьям
о вечном и нетленном под Луной,
недвижно глядя в гаснущую даль
и всё вокруг детально примечая
как бы слегка отсутствующим взглядом.
Идут домой с рыбалки рыбаки,
удилища проносят составные
бамбуковые, с паутиной лесок,
поблескивающих в косых лучах.
Лежат покойно снасти на плечах.
И дышит всё закатом и покоем.
И рыбаки проходят сквозь луга,
о чём-то говорят и спорят громко.
Над водной гладью отзвуки звончей,
но слов не разобрать – далековато,
а тон их спора ясен: про улов.

А Солнце низко – тени рыбаков
 длинны, как только вечером бывает
 при мягком красноватом освещенье,
 в полупрозрачной дымке золотистой.
 Прошли гурьбой, с тенями, как фантомы.
 Особой тихой ласки всё полно.
 И вечностью село мне в сердце веет
 с просёлка пыльного и сочных луговин.
 А Солнце зацепилось за овин,
 из-за овина - Солнца половина.
 Пунцовая, она не портит зренья,
 всё меньше становясь через мгновенье,
 истаивая, словно леденец.
 Зато в пруду скопился весь багрец
 высокого и чистого заката.
 Прекрасному мгновенью нет возврата!
 Его остановил я навсегда.
 Мгновенный сам, я вечность дал мгновенью:
 живи, светись по моему хотенью
 в моих стихах. Другому поколенью
 являйся в них.
 А ранняя звезда
 так трепетно мигает на лазури,
 где звёздный дождь и солнечные бури...
 И ночь пришла!
 Как дальние огни
 больших селений, звёзды замерцали,

и между ними, раздвигая космос,
бесшумная ондатра проплыла –
волну спугнула, звёзды всколыхнула.
Вскричала резко птица-камышовка.
Машина просигналила в селе.
Рубинами зажглись два стоп-огня
в кромешной тьме, и через миг погасли.
И вновь остался я наедине
со звёздным небом, слившимся с водой,
с ондатрой, переплывшей в Зодиак,
с пугающей безвестностью бездонной,
особо острой ночью в темноте,
с развернутой безмерной пустотой,
не знающей ни времени, ни места,
где и когда, зачем она разверста,
вся из загадок и непостоянств,
пространства умещающая без пространств,
являя мне – пылинке – свой размах.
Сельчане спать пошли в своих домах.
А чёрная звездастая вода
вместила небо, стала мирозданьем
и перестала быть лицом пруда,
отобразившим космы космогоний.
И ни о чём не думаю я больше,
не в силах сам себя разъединить
с пылающей огнями близкой бездной,
где шепчется камыш на берегу.

30 марта 1983, 2007, 19 сентября 2012 гг.

Облако белобоко.
Белый объём боков.
Вкралось и в нас глубóко
что-то от облаков.

Что-то от этой сини,
от облаков благих,
словно плывём мы с ними
до берегов других.

Облюбовали боги
и облекли в века
синие эти дороги,
белые облака.

Облачком легче вдоха
иставая на лету,
душа – светиночка Бога –
выплывет в высоту.

1988, 2012 гг.

Воробьи от солнца спятили,
от ромашковой пурги.
Далеко мои приятели,
далеко мои враги.

Веют запахи медовые
в дальнем поле от хлебов.
Зреют замыслы бредовые
про бедовую любовь.

И от кустика до кустика
тянут пчёлы свой клавир.
И такая здесь акустика –
скажешь слово – слышит мир.

Из жужжания и гомона
вдохновение леплю.
А любовь? Да вот кругом она –
всё без памяти люблю.

Откровением от устьяца
родника среди корней
все грехи мои отпустятся,
все стихи пойдут сильней.

Жизнь моя, не будь ромашкою,
солнцу радуйся, звеня.
Родниковый и ромашковый
свет на сердце у меня.

15 февраля 1987, 2012 гг.

ТРОПИНКА

По вольным травам, светом напоённым,
 иду с тобой беспечно и влюблённо.
 Твоей руки касаюсь невзначай.
 Твои глаза полны небесной синькой.
 Твой волос пахнет солнцем под косынкой.
 Цветут солодка, донник, молочай.

Ты снова юной, ветреною стала.
 К твоим ногам пыльца с цветов пристала.
 Твой взгляд ловлю и жажду я, и жду –
 в твоих глазах бездонных раствориться
 и в этих буйных травах повториться,
 и ног твоих касаться на ходу.

Вот ветерок увлёл тебя в объятия –
 смущённо ты одёргиваешь платье.
 Льнут к медоносам осы и шмели.
 И мы с тобой полны добра и света.
 И через лето в море первоцвета
 тропинка нас влечёт за край земли.

10 апреля 1983, 2007, 2012 гг.

НАСЛЕДСТВО

На этажерке две-три книжки.
Визжит в свинарнике свинья.
Кричат на улице мальчишки.
Так начиналась жизнь моя.

Летали совы над садами.
Отец пришёл с большой войны.
Я помню мать с её трудами,
с зазимком первой седины.

А с фотографий, не мигая
смотрела прямо на меня
её семья – совсем другая –
войной убитая родня.

Я рос, весной скакал по лужам.
По вечерам листал альбом,
где мать с детьми и первым мужем
сидели дружно вчетвером.

И сквозь раздолбный праздник детства
меня догадкой смутной жгло,
какое трудное наследство
ко мне от мамы перешло.

15 февраля 1987 г.

Лебединовцам

Патриархальные просторы,
пятидесятые года.
Широкий двор заготконторы,
под первым током провода.

Подобно вестнику, что скоро
всем заживётся веселей,
вёз от столба к столбу монтера
трофейный фыркавший «Харлей».

Ещё порой недоставало
то керосина, то угля.
Но широко страна вставала,
раскинув реки и поля.

Снега мели, цвели апрели,
гремели майские дожди.
И с репродукции смотрели
в глаза кремлёвские вожди.

Нас принимали в пионеры.
Был общей гордостью села
ЗИС-5 с кабиной из фанеры,
где в дверцах не было стекла.

В обрез одежды и продуктов –
 голь, и к гадалке не ходи.
 Но чёрный круглый репродуктор
 сулил достаток впереди.

Я парусиновые туфли
 до лоска мелом натирал.
 По вечерам огни не тухли
 и в клубе шёл киножурнал.

Послевоенная година
 как бы в дыму пороховом...
 Но вся страна была едина
 в своём порыве трудовом.

Уже космической новью
 и в нашем веяло краю.
 Всем чистым сердцем по-сыновьи
 я верил в родину мою.

Она для нас была прекрасна,
 она нам матерью была.
 Нам, в красных галстуках, вихрастым,
 давала крепкие крыла.

Теперь ушла с золой и пеплом
 моя страна. Там встала Русь.

Но к той стране, большой и светлой,
я, словно к матери, тянусь.

Наперекор наветам пошлым
на ту страну и тот народ,
чем дольше греюсь этим прошлым,
тем дальше рыпаюсь вперёд.

5 ноября 2008, 2012 гг.

Моей Лебединовке

С керосинкой посередке,
серым хлебом на столе,
на картошке и селедке
зимовали мы в селе.

За окном снега лежали.
Печка веяла теплом.
Каждый вечер в совдержаве
мы сходились за столом.

Мой отец служил в конторе,
мать – в раймаге продавцом.
Домик наш на косогоре
гармонировал с сельцом.

С чистым садом, палисадом,
весь саманный новый дом,
крепок бытом и укладом,
сельским каторжным трудом.

После всех квартиросъёмок
свои стены не тесны.
Погреб был глубок и ёмок
с провиантом до весны.

Провиант – картошка с луком
да капуста, да свекла.
Муж, жена да бабка с внуком –
это мы среди села.

Мы с простым пайком продуктов
тосковали по мяску.
Чёрный круглый репродуктор
нам транслировал Москву.

Со стены трещал, холера,
чтобы знали в свой черёд:
по стране другая эра
после Сталина идёт.

Раскулаченные предки
и подумать не могли,
что, пройдя войну, их детки
обживутся, как наседки,
станут двигать пятилетки
как хозяева земли.

В пику западным угрозам
заимеют вдруг они
по колхозам и совхозам
грошевые трудодни.

Не заморские мы принцы.
По труду нам всем и честь.

Бытовал в семье свой принцип:
обходиться тем что есть.

Электричество с картинки
нам светило вырезной.
Керогазы, керосинки,
туфли белой парусинки
в сельский клуб на выходной.

В палисаднике колодец
трёхметровой глубины.
Небогато жил народец
на селе после войны.

После всех репрессий, «вышек»,
в пору стылую ладком,
если не было дровишек,
отоплялся кизяком.

Пахло тёплой штукатуркой
от нагрешейся печи.
Я в кровать мостился с Муркой,
с ней теплей зимой в ночи.

Кошки, куры и собаки

в относительном тепле
вместе с нами, как в бараке,
зимовали на земле.

Жили мы и не тужили.
Керосинку зря не жгли.
Сбережений не нажили,
но себя уберегли.

Деньги в доме не водились.
Хоть и были мы бедны,
мы другим тогда гордились –
мощью крепнущей страны.

Вера нас тогда держала
на плаву из часа в час,
что могучая держава
мудро думает о нас.

Что село не позабыто,
что добудем мы и снедь,
и другие блага быта –
надо только потерпеть.

Вера силу нам давала.
Разорённая войной,
из руин страна вставала.
Мы вставали со страной.

Позади война и травля.
Впереди, как свет в окне,
историческая правда:
мы нужны своей стране.

И когда теперь достаток
свет в квартире и тепло,
той поры былой осадок
вспоминается светло.

Поклоненье керогазу
и шипенью примусов.

Вместе с сумерками сразу
запирались на засов.

Занавески на окошке
встык сдвигали. И бочком
подвигались мы к картошке
и селёдке с лучком.

Вечер. Глушь. Провинциальность.
Полутьма и тьма в домах.

Вера и принципиальность.
Неба звёздного размах.

11 ноября 2010, 2012 гг.

ПРИЕЗД

Я возрос на селе
с камышовыми низкими кровами,
где почти в каждом доме
с той войны ещё все не пришли.
Я возрос на селе,
освящённом чертами суровыми
незабвенной и ласковой
послевоенной земли.

Мне вовек не сыскать
нашу пыльную длинную улицу.
Мостовая лежит
вдоль по ней среди нового дня.
Отчий дом на бугре
постарел и уныло сутулится.
И в знакомом окне
наважденье чужого огня.

Кто здесь помнит меня?
Палых листьев лихая метелица,
да дедок-фронтовик,
да ещё тополя у пруда.
А дорога моя
от порога родимого стелется

и уводит вперёд,
и как совесть приводит сюда.

Вот и осень опять
сердцу ясную грусть даровала,
как с влюблённым подростком,
ничего не поделаешь с ним.
Листья жгут по садам,
как не раз в этом мире бывало.
И плывёт над селом
дорогого отечества дым.

29 августа 1979, 2012 гг.

Дождь промчался и шумно, и быстро,
и опять я смотрел в синеву.
И дождём освежённые листья
тихо капли роняли в траву.

По полям и густым перелескам
Солнце кинуло звонкую сеть,
наполняя трепещущим блеском
всё, что в силах сиять и блестеть, -

словно я не вкусил ещё правил
вековых – о добре и о зле –
и ликующей душу оставил
на сияющей солнцем земле.

14 июня 1986, 2011 гг.

2. ТЕАТР ИСТОРИИ

ТЕАТР ИСТОРИИ

*Белеет парус одинокий.
М. Лермонтов*

Ещё летит мятежный парус
в волнах по будущим векам.
Но отвалил валюту Парвус
на арсенал большевикам.

Ещё романтике есть место
в движеньях массовой души.
Но венценосное семейство
уже расстреляно в глуши.

Всё больше дань на мрачных тризнах.
Все ждут: грядёт иная новь.
Но по Европе бродит призрак
и шлёт страдания и кровь.

На шаткий
 царский
 трон
с ногами
влез
 революционный
 сброд.

И Парвуса с его деньгами
забыл народный кукловод.

Болванчик парвусовский!
Сделки
всегда ценил он высоко.
Любил германские сардельки
он под баварское пиво.

Марионеточных пиноккй
он нити взял в стальной кулак.
Болеет Парвус одинокий
и в замке чахнет как дурак.

Свобода – что в огне пожара
для революции святей?
Но Парвуса она пожрала,
как и других своих детей.

Остался цел, спаялся с троном
один из горских усачей.
И реял над народным стоном
кровавый вымах кумачей.

Многомогильный, многонарный,
суровым деспотом храним,
театр был стационарный.
А стать хотел передвижным.

Коммунистическая Мекка!
Как равный равному живи.
Но рухнуло с исходом века
всё, что воздвиглось на крови.

Кровит театр красных красок.
Мрачны зеваки. Мыслить лень.
Комичных нет ни лиц, ни масок.
Трагичны маски по сей день.

12 марта 2012 г.

Витии новые стоусты.
Мессии новые взрослые.
Я помню: сталинские бюсты
в округе за ночь поснесли.

А перед тем напротив школы
генералиссимус стоял.
И бронзой трещинки и сколы
на нём завхоз наш подновлял.

Бывало, кисточкой помажет,
чтобы не брал ни снег, ни дождь,
и вытрет краску с рук, и скажет:
«Теперь как новенький наш вождь!»

Завхоз в бытовку брёл, не дале.
Но я-то знал: была война,
и заслужил он две медали
и боевые ордена.

В победный день, когда окрестность
цвела в знамёнах и цветах,
он шёл селом под медь оркестра
в медалях и при орденах.

Победа в нас вошла однажды,
и я увидел в майский миг
какой у нас завхоз отважный,
хотя обычно прост и тих.

Мы за колонной вились роем,
и я хотел солдатом стать,
пройти войну, прийти героем,
и бронзой бюсты подправлять...

Я на уроки, беспечален,
спешил с портфелем на ремне,
и гипсовый товарищ Сталин
знаком до трещинки был мне.

С чуть припылёнными усами,
и с небесами ввысь над ним,
он был всегда перед глазами,
и мне давно он был своим.

И вдруг на белом постаменте
я обнаружил с новым днём
лишь голый ржавый штырь в цементе,
а бюста не было на нём.

Мне смута замутила чувства:
бюст постамента не венчал!

И было бесприютно пусто
без бюста там, где штырь торчал.

В тмутаракани захолустной
под равнодушной синевой
вдруг стала жизнь моя безбюстной,
бессталинской, безрулевой.

В стране хорошие цементы.
И по району в эти дни
стояли долго постаменты.
Потом исчезли и они.

Любви коварная природа
повально вылилась в хулу.
Слушок, что Сталин враг народа,
вital всё гуще по селу.

Теперь кипит иная эра.
Но в те лихие времена
мальчишьё сердце грела вера:
раз бюст стоит, жива страна.

Ушаты грязи опростали
на время детства моего.
Но я-то помню: был и Сталин,
и бюсты были в честь него.

Он жил в Кремле. Плодил тревоги,
внушал любовь и сеял страх.
И вместе с бюстом у дороги
он был в мальчишечьих сердцах.

Но вот на варварскую новь я
вдруг поглядел! И было жаль,
что постамент без оголовья
несёт тревогу и печаль.

История весьма слепа ведь!
Никитка тшился, лыс и лжив,
меня от памяти избавить.
Но память есть, пока я жив.

По детству я давно отплакал.
Давно кумиров мы своих
на штырь возносим, словно на кол,
а после в прах разносим их.

Пристрастьем к прошлому пылаем!
Кумиры идолам сродни.
Чем пуще их испепеляем,
тем крепче в нас сидят они.

Мы эту горькую науку
так до конца и не прошли.

И снова поднимаем руку
на то, что сами возвели.

Страна дровишек наломала.
И трудно помнить обо всём.
Кумиров мы снесли немало.
И сколько их ещё снесём.

20 сентября 2012 г.

ПОД ЛИПАМИ

В Карагачах* , где птичьи трели,
я замедлял невольно шаг.
Там липы пчёлами гудели,
купая кроны в небесах.

Вдоль главной парковой аллеи
гудели липы в пять рядов.
Роились пчёлы и шалели
от липких липовых цветов.

Вздымались липы родовито,
как корабельных сосен строй.
И звон стоял аж до зенита,
пронизан синью и жарой.

Шли облака. Ветра им дули
в бока. Дурманил запах трав.
И я тонул в звенящем гуле,
в бездонье голову задрал.

2 июля 2011, 2012 гг.

* Карагачи – Карагачёвая роща в Бишкеке.

Тихо гасли вечерние краски,
когда я проходил сквозь село.
Лаял пёс на меня для острастки –
рвался хищно и щерился зло.

И визжала вовсю циркулярка
там, где были сараи и сад.
И в окошках по-летнему ярко
золотился заречный закат.

У штакетника бабы стояли,
толковали о чём-то ладком.
Как знакомому мне покивали,
хоть и не был я с ними знаком.

И умчался я в город просторный
постигать, вырастая вдали,
что мои непокорные корни
в эту сельскую землю вросли.

5 февраля 1987, 2007, 2011, 2012 гг.

От горшков, керосинок и крынок
на колах вдоль кривого плетня
мы вошли в перестройку и рынок
ради нового лучшего дня.

С днями новыми лучше не стало.
Нет у нас ни двора ни кола.
Перестройка язык развязала.
Дикий рынок раздел догола.

Вместо веры – вериги безверий.
Вместо славы – бесславье и тлен.
И свистят на погостах империй
роковые ветра перемен.

21 апреля 2011 г.

ИНТИМ

Демонстративны силиконы
из безразмерных декольте.
И толпы пагубно влекомы
к бесстыдной этой нагоде.

А, собственно, откуда знать им,
что я пленён совсем иным –
когда объёмы скрыты платьем,
угадываясь вдруг под ним.

Я помню бунинские строчки
в наскоке рыночных идей:
«А под сорочкою – две точки
стоячих девичьих грудей».

Быть может, я впадаю в ересь,
но есть в ней доля лепоты:
задрапированная прелесть
волнует больше наготы.

Безумия не остановишь
в слепом разгуле естества.
И бюстом Ани Семенович
повально грезит пацанва.

Держаться б нам устоев древних!

А мы интимного хотим.

Когда-то вырос я в деревне.

Там девки прятали интим.

10 июля 2008, 2011, 2012 гг.

ПОВЕСТЬ

ушёл и бросил малых деток
и напоследок дал в пятак
она его и так и этак
а он ни этак и ни так

1 июня 2012 г.

Пол один, супругов двое.
Бог-отец, с досады воя,
удавил свою змею:
ноль соблазна, мать твою!

Без соблазна безобразно.
В райских кущах тишина.

Мужу муж воркует страстно,
миру – мир, жене – жена.

Лесбиянки, педерасты
тут и там пошли к венцу.
Разнополо все горазды.
Однополо – срам Творцу.

15 сентября 2012 г.

ТОВАР – ДЕНЬГИ

Я забыл давно
 вкус коньяка и сосисок.
Потому что «вышел строить и мечь».
А у этой товар –
 пара шикарных сисек.
И коньяк и сосиски у неё есть.
2001 г.

ЗАЖДАЛИСЬ ГОРЫ АЛИТЕТА

*«Алитет уходит в горы» -
довоенный советский кинофильм.*

Ворьё припало на малину
у постсоветского огня.
«Фильтруй базар и снычь волюну!» -
вот суверенный лозунг дня.

Заждались горы Алитета –
никак всё к стенке не припрут.
Сращенье криминалитета
с верхушкой властной тут как тут.

Товарищ-брат мент Алитету.
И всяк орёл, и всяк герой.
По новому менталитету
меж ними грани нет порой.

Реалии – как в страшной сказке.
Закон тайги под мать твою
и уркаганские побаски
про демократию в краю.

С тщетой добра, разгулом злого
 тот прав, кто правит, точно граф.
 Чуть что не так и – ваше слово,
 товарищ маузер! Пиф-паф.

В краю бесправия и блага
 опять в ходу кинжал и плащ.
 Бульжник пролетариата
 для маргиналов подходящ.

Отстань, порок! Пророк, подьемли
 добро с колен! А зло – сметай.
 И этих бесов не приемли,
 и остальным приять не дай.

Ещё мы выйдем на просторы.
 Ещё увидим новый свет.
 Ещё уйдут в пустые горы
 авторитет и Алитет.

29 февраля 2012 г.

ДУРАКИ

Я взорлил, воспарил над веками
и над нынешними дураками.
Ныне, присно, во веки веков
нет истории без дураков.

Дураки
в храмовитых палатах
почивают на блатах и златах.
Это Бог
 дураков наказал –
дал тщеты.
А про дух не сказал.

Дураки эти новые люди,
полюбившиеся Иуде.
Кто не с ними – гнобят дурака.
Умным крах.
Дураки
 на века.

Я, дурак,
не вожусь с дураками.
Воспаряю себе над веками.

12 октября 2012 г.

Фортуна капризная дама.
 А время к расплате идёт.
 Я видел: казнили Саддама.
 И казни Милошевич ждёт.

Христос не имел бодигардов.
 И не восседал, как орёл.
 Он пал за удел миллиардов
 и в душах обрёл ореол.

А эти садятся на троны,
 забыв, что расправа близка.
 У них «калаши» и патроны,
 у них палаши и войска.

Встают на отца и на брата,
 толкают народ на народ.
 А время идёт, и расплата
 с петлёй или пулей грядёт.

Фортуна кровавого вкуса.
 Суд скорый. Расправа быстра.
 Снимите с распятия Иисуса!
 Где кровь, там не ждите добра.

1 января 2007, 2008, 2011 гг.

КРЕСТ

За то, что молятся распятому Иисусу –
кровав тотем, но толпам всё равно –
я б дал пощёчину общественному вкусу,
да вкуса нет у общества давно.

И царь, и псарь,
убогий и калека
правы в своей последней правоте.
Молитесь. Но снимите человека
с креста.
Ему так больно на кресте!

27 января 2009 г.

АБАКА*

И как бы над будущим рея,
 прозрел не леса, а пеньки.
 Ему уготована рея
 с петлей из заморской пеньки.

Абака, такая собака,
 вопьётся в кадык, не сорвать.
 А нечего было, однако,
 такое вдали прозревать.

«Верёвка – лишь жизни воровка,
 петля с перехлёстом простым.
 Но как искушённо и ловко
 воруют, торгуют святым!»

Прозревший – презревший рутину –
 дерзнул потягаться с Творцом.
 И, право, такую скотину
 на рею, и дело с концом.

А можно ещё, чтоб не вякал,
 гвоздями пристукнуть к кресту.
 А то ещё можно и на кол.
 А можно и псами: ату!

* Абака – заморская пенька.

Оскалясь и хищно ощерясь,
дадут ему кровный урок:
зачем ты возвёл эту ересь?
Зачем заступил поперёк?

16 апреля 2008 г.

Надо трезво на вещи смотреть.
 Предназначено так с сотворения:
 твой огонь перестанет гореть,
 но вселенский не сбавит горения.

Как бы ни был Овидий далёк,
 трепетал огонёк у Овидия.
 И душа эту искру увидела
 и пришла, как ночной мотылёк.

И сама занялась, ожила,
 словно свечка, таясь в мироздании.
 И кого-то к огню на свидание
 в свой черёд, трепеща, позвала.

Ничего что кромешная ночь!
 В ней и зиждется света субстанция.
 Между ними ничтожна дистанция.
 Ночь готов огонёк превозмочь.

А когда воссияет заря,
 мы сольёмся с её колоссальностью.
 Для неё мы за дальнею дальностью
 как предтечи горели не зря.

5 ноября 2006, 2012 гг.

ПОЭТ – ВСЕГДА МИНОР

Нет, не по вкусу вам – я вижу мину вашу –
 мой скепсис
 и порыв идти на абордаж.
 А что вы думали? Я жёваную кашу
 вам стану предлагать
 в духовный голод ваш?

Я слишком вас люблю,
 чтоб не слагать вам оду.
 Разит от этих од
 застоем всех болот.
 Но, видно, буду тем любезен я народу,
 что предпочёл минор
 мажору дутых од.

И этот весь базар,
 и эта распродажа
 всего святого в нас
 в счёт жирного куска,
 вдруг в резком свете встав,
 достойны абордажа –
 смертельного рывка,
 последнего броска.

Пусть лягу с ним на дно,
не получив свободы,
спаявшись заодно
с золой иных свобод.
Но я не делал вид,
что вы и ваши оды
мне по душе,
когда
нагрязнул чёрный год.

Поэт – всегда минор.
Мажорной госдрессурой
не вытравилась в нём
минорная волна.
Ликуйте без меня
под вашей толстой шкурой.
Мой скепсис не для вас
в лихие времена.

16 мая 2008, 2012 гг.

*Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.
Борис Пастернак*

Поэзия – приказ по ротам
перед прорывом ножевым.
И тут не важно быть пророком,
а важно просто быть живым.

Когда тебя поизнахратят
самой истории суды,
с лихвой стаёт пророков на пять
твоей корёженной судьбы.
1 декабря 1987, 2012 гг.

ПРОРОК

Далеко зашёл ты ради Бога.
Дальше века сердцем забеги!

Бьёт в подошвы мёрзлая дорога.
Стукают по глине сапоги.

И змеится лютая позёмка
вдоль корявой ржавой колеи.
Ни села, ни малого посёлка
не содержат пустоши твои.

Заслонясь от ветра на секунду,
чиркнешь спичкой в сигаретный чад.
И опять по вымерзшему грунту
мёртво сапоги твои стучат.

Нет в своём отечестве пророка
как сердца глаголами ни жги.

Благовест и свет в тебе от Бога,
а иным не видится ни зги.

Умоляешь дать тебе уменья
созерцать бесстрастно белый свет!

И летят, свистя, в тебя камня,
в озвереньи брошенные вслед.

26 января 1988, 2012 гг.

ЖЕНА ОВИДИЯ

В интригах за наследника престола
Октавиан запутался кругом...
Нет в мире средства более простого,
чем гнев сорвать на ком-нибудь другом.

Овидий был любимец муз и граций,
был публикой взыскательной ценим.
Великий и божественный Гораций,
Тибулл бессмертный – в дружбе были с ним.

Изгнать его – немало в том резона
отвлечь вниманье римлян от интриг.
У Публия Овидия Назона
в пенатах плач, мольба, и стон, и крик!..

Дочь в Ливии, а муж отплыл в изгнание
к неласковым сарматским берегам.
Одна, как перст, жена свои стенанья
шлёт день и ночь безжалостным богам.

С ним разделив страдания и муку,
от горя и тоски полужива,
оплакивает лютую разлуку
его полувдова-полужена.

Её мольбы спасут его в дороге.
И «Письма с Понта» к римлянам придут.
Её мольбами тронутые боги
изгнаннику бессмертие дадут.

Родной женой, стихиями овытый,
в далёких Томах, в диких племенах,
состарившись, скончается Овидий.
Но станет жить в грядущих временах.
22 декабря 1988, 2012 гг.

ХЛЕБНИКОВ

Он Хлебников. Не Мясников, не Кашин.
Он русский. Он не руссише, не рашн.
Насущный днесь как наш насущный хлеб.
От бед хранит нас, как Борис и Глеб.

Борись и хлеб не преломляй задаром.
Пекись о новом и молись о старом,
где на сырой воде, без молока,
пел Хлебников – язычник языка.

Была эпоха нищеты и нэпа,
и правоты неправого совдепа –
врага неправоты того, кто прав.
Пел Хлебников – не для слепых орав.

Вкус Хлебникова – вкус воды и хлеба,
и неба со звездой Бориса-Глеба.
Борисоглебски-хлебниковский кус
распятыя, где кровоточит Иус.

8 мая 2009 г.

СЕВЕРЯНИН

*Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!
Игорь Северянин*

Король поэтов плохо кончил в Таллине
в суровой исторической канве:
СССР в войну вступил при Сталине,
фашистская орда рвалась к Москве.

Смерть Короля поэтов в этот ряд вещей
вошла как заурядный эпизод.
Был похоронен он на общем кладбище
в том декабре, в тот сорок первый год.

Король поэтов кончил путь в Эстонии
забытым напрочь родиной своей,
и, умерев в столь грозный час истории,
как мачехе, не нужен стал он ей.

У нас всегда то войны, то репрессии
мешали становлению королей
в сердцах людей, в садах родной поэзии.
И раболепский цвёл в стране елей,
царили, господами озвучены,
садизм и геноцида мрачный штамм.

И были как враги у нас замучены
Корнилов и Васильев, Мандельштам.

У нас указом свыше обесценено
бывает разом то, что пел поэт.
И после «Англетера» на Есенина
на тридцать лет ниспущен был запрет.

У нас судьба певцов так одинакова!
Едва поэт Пегаса пустит вскачь –
готов для Короля поэтов всякого
Дантес, Мартынов или госпалач.

Король поэтов роковыми грозами
сдут, как песчинка, с эмигрантских троп.
Его страна классические розаны
не бросила ему в сиротский гроб.

Зато теперь он наш – живой, не каменный –
в сердцах у нас из первых соловьёв
Король поэтов, Северянин пламенный,
без псевдонима – Игорь Лотарёв.

В судьбе поэтов всё соизмеряемо
кипением сердечного огня.
Южанин, я пою про Северянина,
как, может быть, споют и про меня.

Возможно, звёздный миг ещё представится
мне тоже без моей былой страны.
Но главное тут – вовремя преставиться,
покуда ни репрессий, ни войны.

26 января 2009 г.

*Я пришёл на эту землю,
Чтоб скорей её покинуть.
С. Есенин*

Я пришёл к Есенину Серёге
по клубящей в прошлое дороге,
развернул двухрядную гармонию –
им самим воспетую тальянку –
сыпанул разливисто «Цыганку»
в пьяную его неугомонь.

Говорили, пили и играли
на тальянке, дымом подпирали
потолок, хоть вешай тут топор.
Расстарались в удали и пьянстве.
Повисал вне времени в пространстве
невозможный этот разговор.

Говорил Серёга с ликом Бога:
«Русь державна, равно и убога.
Но я верю в новую зарю.
Велики духовные потери!
Потому повешусь в «Англетере»,
а потом с тобой договорю.

Или не потом, а перед этим.
Мы ещё не раз друг друга встретим,
этот разговор идёт века.
Никакие петли в «Англетерах»
не мешают нам в высоких сферах,
где душа крылата и легка.

А сюда пришёл я на минуту,
в эту революцию и смуту
разочарований и химер.
Никогда я не был на Босфоре.
Но и там живёт людское горе.
Наливай. Пора мне в «Англетер»!».

2 октября 2008, 2012 гг.

*Огромная совесть стоит за плечами.
Огромная жизнь расправляет крыла!
Дмитрий Кедрин*

Был вечер – глух?
Простор – безведрен? –
в том приснопамятном году,
когда из электрички
Кедрин
был выброшен
на всём ходу.

«Его убийца хладнокровно
навёл удар... Спасенья нет...»?
Кривилась харя уголовно,
когда в висок мозжил кастет?

Покрыта тайной
смерть поэта.
Эпоха мрачная прошла,
а мне всё кажется, что это
ублюдков сталинских дела.

Когда поэта убивают,
убийцы более всего

на смерть поэта уповают
как на забвение его.

Кого-то властного задело
строкой, убийственной до слёз?
И вот безжизненное тело
спихнули скрытно под откос.

Его земная песня спета.
Ему не надо ничего.
Но в смерти истого поэта
грядёт бессмертие его.

Убиты
Лермонтов
и Лорка.
Убиты
Пушкин
и Рубцов.
С их смертью слава их не смолкла.
И Кедрин
из таких певцов!

29 ноября 1988, 2012 гг.

Интимное бельё переполоскано.
Скрывает тайну пепел, не могила.
Читаю в наши дни: агент Полонская
агента Маяковского убила.

Жить не даёт такая окоlesiца,
хоть я в криминалистике не петрю.
Есенин в «Англетере» не повесился.
Его убили и воткнули в петлю.

Всеобщим счастьем оба жарко грезили!
Их судьбы – две причины для кручины:
как мало русских гениев поэзии
дожили до естественной кончины.

11 сентября 2009 г.

СТИХИ РАМИСУ

1

В меня, как в открытую дверь, вломись,
Рамис!

О диво
наива!

Тебя перевожу я столько лет
и сам хожу бесхитростен и сед.

Там, в космосе твоих стихов,
свободен я от пустяков.

Орамисился,
окиргизился,
окургузился,
но возвысился.

Когда скучаю о Рамисе я,
в моей поэзии ремиссия.

Твой мост
до звёзд
над вечностью
повис,

Рамис!

2

Солнцесердый и мудро-наивный,
 дающий мне стихи на перевод,
 презирающий прижабленных смельтяев,
 читающий в оригинале Верхарна,
 с именем почти мушкетёрским,
 гениальный, петухиальный и чепухиальный,
 пропевший налегке, как труляля:
 «Вокруг Кремля вращается Земля»,
 ты – наушение природы,
 а может, и сама природа –
 простая, щедрая и бесконечная.
 Так что после встречи с тобой
 я рискую забыть все блага
 и босиком осязать земную почву,
 звёздные росы,
 о Рамис!

3

Рамис

с косматым

КОСМОСОМ

ВОЛОС!

Давно бела твоя былая грива.
 В ней что-то есть от облака и взрыва,
 взметнувшегося мощно, как колосс.

Среди колёс и пасмурного смога
 проходишь ты, дрожа затёсом скул,
 и за тобою,

поотстав немного,

твоих

стихов

запаздывает

гул.

Рамис,
 рискуя рыскать в звонких звёздах.
 заморозив миры на вираже,
 ты по себе оставил
 гулкий отзвук,
 но грянул сам в грядущее уже.

4

Поэт Рамис мне ряд куплетов
 прислал. И ясно из письма
 что стал я кладёзь для поэтов.
 И это лестно мне весьма.

Такой стиховорот случился
 в глубинах творческой реки:
 те, у кого я сам учился,
 ко мне пошли в ученики.

1988, 2012 гг.

Русский поэт – всегда хулиган.
В Божий мир как в цветной балаган
вышел он голым, нищим.
За пазухой у него – наган.
Ножик – за голенищем.

Башкой привычно не дорожа,
знает он:
яд куплета
действует поострей ножа
и побыстрее пистолета.

Поэтому многим он поперёк.
Живот свой кладёт на этом.
А если б он себя поберёг –
не был бы он
поэтом.

16 мая 1997 г.

ПУЛЬСАР

В мирозданыи –
рожденья
и смерти.
Век живём,
а приходим на час.
Вы часы свои с вечностью сверьте –
каждый миг уже вечен для нас.

Гаснут звёзды,
а свет
 сквозь
 потёмки
 к нам
 идёт
 ещё
 тысячи
 лет!

Вам, сверхдальние наши потомки,
я
 стихи
 излучаю
 как свет.

13 декабря 1987 г.

В гнетущее время застоя
как ясь благодатного дня
наивная вера в святое
хранит и спасает меня.

И дело-то, в общем, простое
не дать замутиль бытию
ни солнце твоё золотое,
ни чистую в сердце струю.

Душа вся из света. Но мути
навстречу выносит полно.
И ей, светоносной по сути,
до жути бывает темно.

Всё гнусно кругом и противно.
И кажется: кончен полёт.
Но вера чиста и наивна.
Как в детстве, пропасть не даёт.

30 сентября 2006 г.

Эта женщина – вещая птица –
всё зовёт за собою, паря,
и не хочет никак опуститься
на мои золотые поля.

Ей моя приземлённость противна,
ей своя крылённость мила.
Всё меня окликает призывно,
испытать предлагает крыла.

И не зная ни сна, ни покоя,
всё я зов этот дальний ловлю,
всё я в небо смотрю грозное,
всё я женщину эту люблю.

30 сентября 1987, 2005 гг.

На трибуне Сталин в белом кителе.
Рядом Жуков, Берия видны.
А внизу ликуют победители
отгремевшей мировой войны.

Площадь перед Сталиным запружена.
Принял он Россию от сохи,
а оставит с атомным оружием.
Но дела у Сталина плохи.

Царственная мания величия.
Никому надежды никакой.
И не отменяет он обычая –
свысока помахивать рукой.

Полон он к партийцам недоверия.
Он суров и сдержан, хоть беги.
Гордый Жуков и сверхскрытный Берия –
все! – потенциальные враги.

Вождь ещё одёрнет властным окриком
тех, кто вёл к победе весь народ.

Жукова командующим округом
он сошлёт и глазом не моргнёт.

Он коварен, холоден и бдителен.
Чуть усмешка трогает усы.
Он ещё поставит победителей
на места! Он явит нрав лисы!

Прошлых лет живая кинохроника
с промельком на стёршихся местах...

Как мы любим у любого троника
проходить в колоннах и цветах!

3 августа 1988, 2007, 2012 гг.

*Но раз поэтов не убивают,
значит, некого убивать.*

А. Вознесенский

Вознесенский в кадре с Горбачёвым.

Мэтр

и первый русский президент.

Всё же не подставлю я плечо вам

в этот исторический момент.

Дёшево разыгрывают пьеску

Горби и парнасский старожил.

А вот Николае Чаушеску

за идею голову сложил.

Первым не сдавал он партбилета.

Кредо своего не предавал.

Горби сдал державу. И за это

не был сослан на лесоповал.

В креслах держат важную асану.

Но ведь есть извечных правил свод:

если уж ты царь – взойди по сану

первым на костёр и эшафот!

Старый мастер, жаждавший от пули
умереть как истинный поэт,
принят самодержцами. Ему ли
пули нет?
А пули всё же нет.

Горше пули – единенье с Горби,
кто, как Бог, себе иже еси
на обломках всенародной скорби
по достойной жизни на Руси.

Горбачёв нас предал у штурвала.
Вен себе за Русь не отворил.
Я ему – живому – верю мало.
Павшего б за нас – боготворил.
30 ноября 2000, 2012 гг.

Вспомнилось: Горбачёв прилетал в Бишкек,
было тут такое важное что-то.

И мне в редакции сказала барыня-ответсек,
чтобы я поставил в полосу его фото.

А я сказал, что место ему не на полосе,
а где-нибудь на Колыме, на лесоповале.
Потому что он предал нас и страну. А мы все
верили ему и страны своей не предавали.

И тогда такой она подняла хай-вай,
дескать, что ты тут себе позволяешь.
А я озверел вконец: лайся, давай-давай,
может, меня уволишь? Может быть, расстреляешь?

Теперь я не тот. И даже, может быть, промолчу
в подобном деле, молясь о своём покое.
Теперь я вижу: ведь именно благодаря Горбачу
я смог тогда позволить себе такое.

Он, помнится, был поборник всяческих демсвобод,
к толпам сам выходил, якобы прост и обыден.
Выходит, того, кто сразу и многое нам отдаёт,
мы ценим настолько, насколько и ненавидим.

27 октября 2008, 2012 гг.

СПАС

Стадность – с нею поспокойней
всем, кто вырос на вожжах.
Но какой всеобщей бойне
их врасплох предаст вожак?

На рожон, срываясь, лезьте,
если топчут в вас стада
чувство совести и чести,
чувство долга и стыда.

Спас – не стадо. Ибо в Спасе
уникальности черты.
А без этой ипостаси
мы не люди, а скоты.

14 февраля 1988 г.

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

Подозрительны мне да и странны
кто стабилен в стабильном краю.
Не люблю я стабильные страны.
Нестабильную дайте мою!

Дайте ненависть, любвеобильность.
Камнем в пропасть и в небо орлом.
У кого постоянно стабильность,
у того и дебилность при нём.

Без глупца был бы мир наш бессилён
разглядеть и семь пядей во лбу.
Я живой. Потому нестабилен.
А стабилен лишь мёртвый в гробу.
26 июля 2009 г.

Близко к аду или раю,
где сквозняк задул свечу,
я, конечно, много знаю,
но о многом умолчу.

В пику тем, кто без умолку
бает без креста во лбу,
обожаю недомолвку –
тайну, прочерк, темь, табу.

Несказанная Расея
вдруг сказалась чересчур
у Кручёных Алексея –
дыр
бул
щыл
и Убещур!

16 апреля 2009 г.

СЕЛЬСКИЕ ПОТЁМКИ

Те времена давно уж миновали,
когда в объятых крепнувшей страны
мы днём пахали,
ночью крепко спали.
И оставались, в сущности, равны.

Шашлычные, кафе, автозаправки,
развратно-яркий свет ночных комков
здесь, где когда-то бегал я по травке
и воду пил из чистых родников.

В комках табак и пойло для народа.
Ночная жизнь в деревне расцвела.
И я с нутром морального уroda
купил вина и вмазал из горла.

О, сельский люд! От бед изнемогая,
впрягаешься ты в мутные дела.
И по ночам бутылочка-другая
тебе, глядишь, от стресса помогла.

И вот, глядишь, смеёшься ты до коллик,
опустошив свой нищенский карман.
И вот уже, глядишь, ты алкоголик.
И вот уже, глядишь, ты наркоман.

Погост сровняли
с истечением срока

захоронений.
 Стройку здесь ведут.
 И принесла мне на хвосте сорока,
 что черепа под ковш попали тут,
 когда траншеи мощные копали
 под основанья новых теремов.
 И столько всюду злости и печали,
 что напиши хоть тысячу томов
 на тему небреженья к праху предков –
 не вздрогнет ни единая душа,
 пока в помойках в поисках объедков
 копаются бомжата-кореша –
 мальчишки беспризорные – потомки
 районных наркоманов-алкашей.

Вот почему
 всё дальше прочь
 в потёмки
 я из села гоню себя взащей.

Ведь не забыть,
 как бегал я по травке,
 пил воду здесь из чистых родников.

Угар шашлычен.
 Вонь автозаправки.

А дым Отечества был вовсе не таков.
30 декабря 1995 г.

Кругом другие идеалы,
 другие флагманы и флаг,
 кругом менялы и кидалы
 и при звездах, и при делах.

Хлебнул лишений и скитаний
 с тех пор, когда давным-давно
 моя держава, как «Титаник»,
 перекренясь, ушла на дно.

Лежит она в песке и ржави.
 Но вышло так оно само,
 что принадлежность к той державе
 мне душу выжгла, как клеймо.

Клеймён я родиной советской.
 Как белое офицерье,
 оповещён её повесткой,
 ей присягаю под ружьё.

Без Визбора и Окуджавы,
 среди лукойлов и камек
 последний воин той державы,
 откуда родом я навек.

23 сентября 2008 г.

СНЕЖНЫЙ МИГ

Снега хлёсткая извёстка
белит землю с высоты.
Много света, много лоска,
лепоты и чистоты.

Да и сам ты среди бега
и забот своих простых
чем-то чистым вроде снега
полон в этот снежный миг.

Чем-то вроде детских святок
и колядок, и утех.
Тем, что выпало в осадок,
и растаяло, как снег.
15 января 2009 г.

ДОН КИХОТ

Родной народ
 прибит, как скот,
 скорбит от рыночных экспансий.
 И тут приходит
 Дон Кихот
 с оруженосцем Санчо Пансой.

Тут не расчёт,
 не тонкий ход,
 не предсказание пасьянса –
 за идеалы
 Дон Кихот
 восстал!
 С ним верный Санчо Панса.

Жестокий век!
 Лишь на себя
 все в мире тянут одеяло.
 А он
 выходит в путь,
 любя
 лишь зыбкий образ
 идеала!

Он терпит всё:

злорадный смех,
 побои в качестве аванса
 за то, что вышел против всех
 один!
 Чтоб больше не совался.

Но он
 сражался против зла –
 сам полководец и пехота.
 Молва недобрая ползла
 об убежденьях Дон Кихота.

Смотрели все - и короли! –
 не дальше собственного носа.
 А он
 пошёл на край земли
 за Дульсинеей из Тобоса.

Чтоб ветер добрых перемен
 в сердца людские дул сильнее,
 обрёл презренье он взамен
 своей прекрасной Дульсинеи.

Пускай кочует по векам
 звезда наивного испанца.
 Он нам на счастье намекал
 один!
 С ним вечный Санчо Панса.

Не хата с краю, не уход
 в себя –
 а славная работа!
 И пусть кому-то Дон Кихот
 нелеп –
 я славлю Дон Кихота.

Встань, Дон Кихот!
 Иди вперёд!
 Вот – идеал.
 Вот – Санчо Панса. –
 Чтоб кто-то снова в свой черёд
 на вашу удочку попался.

Сердца глухие растревожь,
 свой идеал всей кровью нянчи,
 чтоб кто-то дальний
 стал похож
 на Дон Кихота из Ламанчи!
8 ноября 1988, 2008, 2012 гг.

Вот и закат наш отглед и отплавился.
Ночь. Чернота её крыл.
В высях Господь отсыпаться отправился –
дверь за собой притворил.

И уходя белоснежностью хрусткою,
мы позабыть не могли
как пробивался сквозь щёлочку узкую
свет меж мирами вдали.

Много разумному, доброму, вечному
выпало дел на веку.
Видимо, некогда даже сердечному
дверь подогнать к косяку.

24 ноября 2012 г.

Вскинешь взгляд, не отягчённый мыслью,
в небо – на секунду или две –
ласточки, обласканные высью,
утопают в яркой синеве.

Небо, где так вольно им живётся,
и земля, где края не видеть,
ёмко и приветливо зовётся
богословским словом: благодать.

И душа, небесная по платью,
в свой черёд, назначенный всему,
позовётся этой благодатью,
ласточкой рванётся в синеву.

21 июля 1998, 2012 гг.

Луна, золотая к лету,
на дне озера смеётся.

Бросил Господь монету.
Может, ещё вернётся?

3 декабря 2008 г.

3. У СУДЬБЫ ОЧЕНЬ РЕДКИ ПОДАРКИ

В ПОЛЯХ

Мне
 все мои метания
 простятся –
 мечусь я,
 обо всём живом боля.
 Творящую
 энергию
 пространства
 таят в себе
 широкие поля.

В полях
 есть только видимая голость
 и мнимая таится тишина.
 Но эта тишина – тот самый голос,
 которым вся вселенная полна.

И слышу я
 гудящую над полем
 вдруг правдой обернувшуюся ложь:

...ты
 смертен потому
 что жизни полон
 но ты
 бессмертен тем
 что ты умрёшь

испытываясь космосом безмерным
не надо локтя близкого кусать
ты
до рожденья

был уже
бессмертным

но жизнь нужна
чтоб это доказать

и смерть
тебя
пугает

словно плаха
за так я ничего не отдаю
не унывай
всё принимай как благо
и даже смерть грядущую свою...

Простых цветов здесь трогательна скромность:

солодка,
иван-чай
и молочай.

Отсюда
начинается
огромность

души,
слетавшей

в космос
невзначай.

О, как нужна сейчас мне сила воли,
когда кипит эпическая мгла!
О жизнь моя!
Как силовое поле
работай,
чтоб не стало в мире зла.

В комплоте гравитаций и мутаций
тряси меня, энергия эпох,
чтоб я,
уставший драться и метаться,
подзарядился вечностью,
как Бог!

Ну что с того, что плоть досталась брэнной!
О всём земном
до края отболя,
я не умру,
а в мегаболь вселенной
уйду,
как в беспредельные
поля.

21 февраля 1989, 2012 гг.

ПСИХЕЯ

Житие прельщает, не житуха.
Я пребуду вечно или днесь,
субъективно – повелитель духа,
объективно – атомная взвесь.

Тело станет пылью, горсткой праха,
в превращениях общий круг верша.
Вот и беспокоюсь не без страха,
как без тела выстоит душа.

Как сумеет, тихим светом вея,
превозмочь потёмки диких воль,
объективно – звёздная Психея,
субъективно – кровь моя и соль.

19 августа 2012 г.

Нет во мне темперамента думского.
Не влечёт политический бред.
Моя доля – творить, а не умствовать.
Ваша воля – читать или нет.

18 августа 2012 г.

ГАЛАКТИКА*Л. Ш.*

Накинь свой цветастый халатик
и тихо присядь у окна –
одна из наземных галактик,
подруга моя и жена.

Не надо ни жестов галантных
ни стёршихся слов про любовь –
я рядом с тобою талантлив,
как был бы талантлив любой.

Помыта на кухне посуда,
уснул наш ребёнок в тепле.
Красиво и просто, как чудо,
присутствуешь ты на земле.

Забыты друзья и дороги,
заботы и радости дня,
когда ты в любви и тревоге
поднимешь глаза на меня.

За окнами сумерки мая.
Мы снова с тобою вдвоём.

И снова, светя и сияя,
восходишь ты в небе моём.

Предстанет глазам астрономов,
обживших космический куст,
как редкая вспышка сверхновой –
энергия вспыхнувших чувств.

И миг этот исповедальный
бесценен на тысячи лет:
в тебе как в галактике дальней –
любви излучившийся свет.

Затеряны мы во Вселенной.
Но ты отовсюду видна –
в квартире по улице энной,
со мной у ночного окна.

1988 г.

ПАУТИНКА

Непогода поутихла.
И, летя наискосок,
радужная паутинка
прилепилась на висок.

Тянет в небо паутинка:
полетим-ка, полетим-ка!

Волосок высоких радуг,
мне тебя не надо на дух.
Я тяжёлый пустячок,
не взлечу, как паучок.

Я иду себе ладком,
воспарить веду попытки,
паутинным проводком
в высь включившись для подпитки.

В синях просверк паутин.
Полетим?

наверно небеса перепортичили
душа и телеса в телепортации

Много у судьбы болот.
Но кончаются болота.
Важно верить в свой полёт,
даже если нет полёта.

17 июня 2010 г.

ПОДСНЕЖНИКИ

Они за мной из-под снега подслеживали,
сами, как снег, холодны и чисты.
Я тебе в город принёс подснежники –
лицом в их свежесть уткнулась ты.

Веснушками на полянке лица
так трогательно зажелтела пыльца!
Из дальнего детства
вернул мне твой взгляд
весну и пушистых жёлтых цыплят.

Не знал я, когда на горах снеговых
на стылые руки дышал в рукава,
что в шаге от хмурых небес ветровых
под снегом
в подснежниках нежность жива.

Лёд растопила моей угрюмости,
меж сердцами сцепила мост,
цыплетками рылец желтея из рюмочки,
снежная стайка пахучих звёзд.

Вечное средь суеты и поспешности –
тихие маленькие подснежники.

6 апреля 2011, 30 ноября 2012 гг.

Тропа-колея по зелёному берегу,
на кочках песчаных колёса юзят.
Я знаю, что здесь не открою Америку,
и всё ж повернуть не пытаюсь назад.

Меня подгоняют другие открытия:
над вёрткой тропую висят облака
в густой синеве, на пороге отплытия,
и ветер всюду распушил им бока.

Река с облаками течёт и не мутится –
дождей ещё не было этой весной.
Приметив меня, осторожная утица
снялась и стремглав понеслась над водой.

Мир ветром и светом сияющим полнится,
и трудно совсем не терять головы
от синего неба, искристого солнышка
и тонкого духа примятой травы.

Вон там за деревьями будет околица –
уже меж стволами мелькает просвет –
и высью распахнутой поле откроется,
и гнать перестану я велосипед,
чтоб чуточку хоть успокоилось сердце и

остыло от гонки, работу верша
для тела, покуда в простор по инерции
уносится, хода не сбавив, душа.

1988, 2012 гг.

РЫБАЦКОЕ

Природа, ты не виновата,
ты месть свою явила вдруг,
и от болезни минамато
японцы мёрли вроде мух.

На дне залива Минамато
ртуть из отходов комбината
накапливалась много лет.
Не рыбки лакомой, по сути,
а метилированной ртути
наелись те, кого уж нет.

Когда серебряную рыбку
жуём и не блюдём табу -
не повторяем их ошибку?
Не вылетаем ли в трубу?

И чем всё кончится, вкуси мы
с парной картошкой, как всегда,
селёдочки,

от Фукусимы
приплывшей
в наши
невода?

21 января 1988, 2012 гг.

ЕМУ, КТО В ГРОШ МЕНЯ НЕ СТАВИЛ

Завёл меня, и я завёлся –
запрягся, как засел за вёсла,
загрёб не вспять, а супротив,
тем заводившего смутив.

Он, заводивший был уверен,
что я покладист и умерен,
и что завод его стерплю.
Но я давно себя леплю!

Я не люблю, когда заводят,
без спроса в душу мне заходят.
Я заводжусь, как заводной,
на нескитавшихся со мной.

Вдруг дал я жёсткий бой без правил
ему, кто боя и не ждал,
ему, кто в грош меня не ставил
и заводиться понуждал.

И он, когда утихли страсти,
был жалок и ничтожно мал,
разбит, разобран на запчасти.
Завёл меня,
и сам пропал.

19 октября 2010, 2012 гг.

С очами, полными лазури,
он просветлел, как сам Господь...
Его раздели и разули,
прооперировали плоть.

Он чужероден был в палате
среди других болящих тел.
Стерильным ангелом в халате
крахмальном
я к нему влетел.

Сел на казённую простынку
соседской койки. И завёл
традиционную пластинку
про золотой домашний стол.

Он белой мякоти куриной
поел. Бульончика хлебнул.
Разило в воздухе уриной –
в застойной вони мир тонул.

Царил уклад больничный стойкий.
Но свет небес горел в глазах.
Он плотью был прикован к койке,
а дух держал на небесах.

2 октября 2012 г.

Прозрачен воздух, чист до хруста.
И днём тепла ещё земля.
А мне невыразимо грустно
идти сквозь мёрзлые поля.

Морозец звонкий и неколкий.
Мир хрупок! Сделай грубый шаг –
и он на мелкие осколки
взорвётся, распадётся в прах.

Летят в просторы стаи галок.
Редееет в роще полутьма.
Здесь скоро белый полушалок
расстелет стылая зима.

Ещё, наверно, могут сбыться
мечты – светлы и высоки,
и красный пар ещё клубится
над мерклым зеркалом реки.

И мир с рассветом чист и молод,
и день идёт ещё к теплу.
Но тронул сердце первый холод,
как облетевшую ветлу.

15 октября 1981, 2007, 2012 гг.

Я достал свои краски-кисточки.
 Нежно в сини блестит листва –
 распускаются почки-выскочки,
 улыбается синева.

Поделился со мной секретами
 и бушует над головой
 май зелёный и фиолетовый,
 и сиреневый, грозовой.

Снегом он разнесёт по городу
 с тополей невесомый пух.
 И сирени дурманят голову,
 и ветра летят во весь дух.

Ходят тучки сырые низкие
 и не дают мне на мозги.
 И всё гуще импрессионистские
 я кладу и кладу мазки.

Зелень, синь, и души томление,
 и цветные пёстрые сны –
 это майское впечатление,
 это райская новь весны.

Гнёзда лепятся, краски светятся,
пары клеются по родам.
Люболепье благого месяца
я холстам своим передам.

15 мая 2012 г.

От диванов, ласковых подушек
утекаю под сиянье дня.
То не разожжётся, то не потушишь –
нрав такой настырный у меня.

Я бреду бесцельно, не при деле.
Не звенит в карманах ни шиша.
По высотам духа, на пределе,
как пчела, летит моя душа.

Далеко от славы и презренья
под свои ушёл я небеса.
Ниспослало небо мне прозренья
и наивной веры в чудеса.

Моё пламя распалась годы.
Вот вскипел на сердце кипяток!
Максимум что нужно мне – свободы
и небес, и вечности глоток.

23 февраля 2012 г.

Под кукование кукушек
в разливе солнечных опушек
в зелёном ветреном раю
люблю простую жизнь мою.

Кукушки истоиво кукуют,
а в роще горлицы воркуют
и тополя блестят листвою
над беззаботной головой.

Я долго жил и много знаю.
Но я легко траву сминаю,
и всё вокруг для зорких глаз
как будто в самый первый раз.

Двух пацанят явила тропка.
- Который час? – моргают робко.
Вопрос их странен и смешон
мне без часов и вне времён.

29 мая 2012 г.

В полночь хлынул,
свежестью радуя.
В город
 грянул
 и грохнул вдруг.
Я оглох и выключил радио –
бесполезно усиливать звук.

Звуки вспухли,
дождём набухли.
Радиоклассика, помолчи.
Я воспрял и слышу на кухне
как бушует
небо
в ночи.

Хляби хлещут
в асфальт и крышу,
и, счастливый, как идиот,
я не вижу дождя,
но слышу:
идёт!

до животной дрожи в запых.
Я и гроза –
мы во многом схожи,
однокровки стихий слепых.

Дай, гроза, мне любви и гнева!
Породив из огня и тьмы,
нас на землю послало небо.
Только небом и живы мы.

Когда станет разлука мучительна,
поднимите к небу глаза,
позовите меня –
решительно
я нагряну к вам,
как гроза.

1 июня 2012 г.

В ДОЖДЬ

Парк
 сумрачен,
 лохмат,
 раздёрган,
 шумно
 шаток –
 стволы,
 колонны крон
 шатает
 ветровей.

И листья,
 как ягнята в вымя маток,
 дрожаще тычутся в сосцы родных ветвей.

Плеск,
 блеск и кутерьма,
 остуда до озноба.
 Пронзительно зелёный колорит.
 И низом – полыхание озона,
 он в лёгких синим пламенем горит.

Стихийный ход природ
 вершится отрешённо.
 Вот залпом дождь влупил, сверкая и гудя.

А я здесь для того, чтоб из-под капюшона
приметить
страх листвы
в слепой блицкриг дождя.

Судьбой своей теперь я как-то мало занят.
Шквал
плещет в деревья
и хлещет по траве,
и по ветровке
вдрызг
кинжально барабанит.

Но я
моё тепло
уже отдал
листве.

12 июня 2012 г.

DIXI*

Полвека отмудрив на лире,
картошку и тушенку я
на кухне жарил – по квартире
шёл крепкий искус бытия.

Картошку съев и съев тушенку,
вдруг о себе сказать я смог:
размахом – смял ты Евтушенку,
потенциалом – взял, как Блок.

Но как сравненьями ни тенькай
с фигурой славною любой,
дай Бог остаться Никитенкой
и пребывать самим собой.

Без рёвтрибуны маяковской,
без северянинских причуд
и простоты козьмапругтовской,
и мудроты латинских пут.

17 июня 2012 г.

* Dixi (лат.) – я сказал.

ТОПОЛЯ

Свои печали стопоря,
дружу с глубокой синевою.

А надо мною тополя
искрят сверкающей листвою
и в огневую синеву
ракетно устремляют кроны,
и ловят в яркую листву
ветров и солнца перезвоны.

И как бы ни был я угрюм,
душа светлеет в блеске резком,
когда ветвей зелёный шум
зеркальным полон переплеском.

Вскипает крон остроконечность,
чтоб я забылся и постиг
миг бесконечный, словно вечность,
и вечность краткую, как миг.

Душа летит во все пределы
и пронизает все века.

А синеву, как каравеллы,
боками пенят облака.

17 июня 2012 г.

Без гор не мыслю я пространства,
без вырезных небес в горах.
Мне в сердце горний дух прокрался
стоять за риск, а не за страх.

Когда неумолимо близко
огнём сияют ледники,
я полон взрывчатого риска,
и мне страшиться не с руки.

На желваке – хмельно и немо –
все дамки в кон! Все рамки вдрызг!
Бездумен взор, бездонно небо,
поверен иск, безмерен риск.

3 октября 2012 г.

ИЮЛЬСКИЙ ВЕК

Возле речки камни пышут жаром.
Веет свежий ветер с ледников.
Здесь мельчайшей порой под загаром
чувствую дыхание веков.

На жаре азийской полон ленью,
под кипучий шум воды в реке
я навек принадлежу мгновенью
в этом субальпийском уголке.

В ледниках период наш и юрский.
Выцвел в небесах ультрамарин.
И вершится яркий век июльский,
ставший навсегда с утра моим.

Мне ступни сжигают до ожога
камни, леденит меня река.
И блестят, похожие на Бога,
облака над снегом ледника.

4 июля 2012 г.

ПРОСТАК

Судьба не гладит по головке.
 Расшибся в прах я, и не раз,
 пока весомость поговорки
 не отложились про запас.

Она засела крепко в память
 послушную, как пластилин.
 Но я ж не знал, где буду падать,
 соломки там не постелил.

И падал! Кости были ломки!
 Крах испытал я на веку,
 а пресловутой той соломки
 не доставалось простаку.

Пусть мудрецы не двинут бровью,
 но рисковал я и за них.
 Мне опыт мой достался с кровью.
 Он слаще истин прописных.

16 октября 1987, 2012 гг.

ХИТРЫЙ СВЕТ

Он её хватал, она кричала.
Он её в объятиях душил.
Тут мой друг, опешивший сначала,
девушке на помощь поспешил.

Другу моему давно за сорок.
А по духу друг мой джентльмен.
На ногах упруг, как на рессорах.
Бывший хулиган, потом спортсмен.

Подошёл он резко и угрюмо.
«Ну, в чём дело?» - вежливо спросил.
Кто-то рядом в доме из-за шума
свет на всякий случай погасил.

Пьяный и обкуренный иуда
так ответил другу моему:
«Мужичок, вали давай отсюда!
Не впрягайся, слышь, не по уму!»

Озверел налётчик, злобно щерясь.
Мой привыкший к вежливости друг
без замаха двинул справа в челюсть –
тот и жертву выронил из рук.

Пока друг отхаживал ублюдка,
девушки уже простыл и след.
Стихло всё. И в доме так уютно
снова загорелся хитрый свет.

1988, 2012 гг.

ИНОСКАЗАНИЕ

Мой приятель-коррупционер –
образцовый милиционер.

Я ценю в нём милиционера.

А другие – коррупционера.

3 октября 2012 г.

ЭТЮД

Жара и оводы,
коровы лезут в воду.
Сегодня на пруду полно народу –
в воскресный день все вышли на природу:
купанье,
визг,
и смех,
и суета.
От стада налетела мухота.
На берегу мужчины-рыболовы
покуривают, пасмурно-суровы:
купальщиков полно – какой тут клёв!
Купальщицы косятся на коров.
И чей-то пудель лает на бурёнку,
она отходит от него в сторонку
и продолжает вежливо жевать.
Идиллия!
Чего ещё желать?
Желанья сонны – эдакое пекло.
Пойти нырнуть? Сгорел уже до пепла.
Ах, как вон та в «бикини» хороша!
Пикантен так купальничек и ал!
Ну чистый ангел! Чистый идеал!

Мужская половина вся ослепла
от прелестей её вполнагиша!
Куда ты рвёшься, бедная душа?
Не для меня такие совершенства.
Зато вода – великое блаженство –
уймёт мой пыл, погасит страсти. Ша!
Бросаюсь вплавь, сменяя стилем стиль,
темно в глазах, а всё мне мало, мало!..

Всегда себе отчаянно мы мстим,
завоевать не в силах идеала.

8 августа 1987, 2012 гг.

К ПОРТРЕТУ

А ну-ка пораскинь мозгами:
являя в мир из темноты,
скупыми точными мазками
кладёт нас время на холсты.

Оно свои проложит тени
там, где подглазные мешки
и где созвездья, как сирени,
толпясь, смеются у щеки.

Ты у веков заложен в смете.
Позируй вольно в свой черёд,
пока проступит на портрете
всё то, что время изберёт.

Оно безжалостный художник.
Штрихи морщин твоих густы.
Наступит час, и ты найдёшь в них
судеб тотальные черты.

Коснись, от нежности смуряя,
галактик зябких, как ветвей,
где вечность – словно галерея
для экспозиции твоей.

6 декабря 1987, 2012 гг.

Стожок, прикрытый толем,
и влажный отблеск крыш.
И над промокшим полем
лиловый дождь и тишь.

Туманные посёлки.
Желанная земля.
И чёрные, как ёлки,
сырые тополя.

Тепло и темновато.
Просвета нет вдали.
И облака, как вата,
подгорья облегли.

Посередине лета
полна судьба моя
густого фиолета
и света бытия.

1988, 2012 гг.

Вот – сверчок! – в винограднике тёмном.
Лунный свет не проник под листву.
И скрипит этот моцарт о том нам,
чтоб приблизились мы к естеству.

Эти скудные, трудные звуки
нашей музыкой лучшей сочти.
Мне твои загорелые руки
в темноте незаметны почти.

Лишь белеет во мраке футболка.
И, наверное, это к тому,
чтоб во мне ты осталась надолго
светлой в самую тёмную тьму.

В целом мире безлюдно и пусто.
Только ты в моём сердце жива.
И естественней этого чувства
под луной не сыскать естества.

1988, 2012 гг.

Не пишется – не значит нет бумаги
и «Паркера», компьютера, отваги
слова чеканить крепкою строкой.
Суть вовсе не в механике такой.
Не пишется – совсем другая штука:
изводит – нет, не звук – частица звука,
крупница света. Знания ещё нет,
но есть какой-то звук, какой-то свет,
мотивчик неизвестный самобытный.
Ещё Пегас наш четверокопытный
не бьёт копытом воздух, как винтом,
не правит крыл, спасибо и на том,
что не спешит крылатый делать дело,
пока душа поэта не запела.
Он знает, седоков возивший многих,
что копия – удел писцов убогих.
Неведомое манит и страшит,
подспудный поиск смыслом не прошит.
Ведь зачастую смысл - синоним копий.
Копировальщик не ломает копий
о тайное, туманное. Ему
себя с лихвой хватает самому.
Не пишется – другим, а потому
он пишет много, каждый день. А мне

не пишется. Я где-то там, вовне
привычных звуков, артистичных трюков,
я вроде здесь и нет меня. Дышу
нездешним чем-то, дальним. Не спешу
всё осознать и в речь облечь. Мне слышится
такое, от чего и впрямь не пишется.
Не пишется! Да слышится. Молчу.
Но для Пегаса я припас камчу.
Пусть хорошо подумает о том,
чтоб явью не огруз его фантом.
Ведь нас без тайной веры в чудеса
не примут дальней эры небеса.

29 ноября 2006, 2012 гг.

Смолой нагретой терпко пахнут ёлки.
По субальпийской зоне я бреду,
и суховей, как жар на верхней полке,
обёртывает тело на ходу.

Большие облака из белой ваты
застыли над горами в синеве.
И каперсов разливы розоваты
по выгоревшей охристой траве.

Ни чёрту кочерга ни Богу свечка
в такое пекло шляться в мёртвый зной.
Но вот гремит на перекатах речка
и ледяной сверкает быстринной.

Она шумит и плещет, и ярится,
вся в пузырьках и пене, как в снегу.
Она меня, как дикая сестрица,
в объятия хватает на бегу.

Причуды эти стоят дорогого.
И вновь моя дорога мне легка.
При том, что уж такого вот другого
не сыщешь в это пекло дурака.

16 августа 2012 г.

Открытья маловероятны,
когда обласкан ты судьбой.
Всё это только варианты
уже открытого тобой.

Но вот когда судьба, как сука,
скулит понуро позади,
ты высекаешь с полужвука
неведомое из груди.

17 августа 2012 г.

Вечностью листья тебе шелестят
в гаснущем воздухе в вечер твой поздний.
Прянешь на спину – пушинки летят.
Жизнь бесконечна. С тобой или после.
2012 г.

Я теперь не зависаю в «Гугле»*,
убегаю к речке, где лежат
камни, раскалённые, как угли,
где простор домами не зажат.

Ни машин, ни смога, ни народа.
Ледники сияют в высоте.
Здесь не виртуальная природа
вся в не виртуальной остроте.

Ни ошую и ни одесную
ни души. Лишь острых скал оскал.
Раскрываю книжку записную –
здесь нашёл я то, что век искал.

Здесь раздолье строчкам языкатым!
Здесь блестят на солнце валуны
и гремит река по перекатам,
и века мгновению равны.

27 ноября 2012 г.

*4 Google (англ.) – электронная поисковая система.

В неизведанности где-то
в безграничьи бытия
свет во мне. Я полон света.
Я есть свет. И свет есть я.

Я воздушней, легче птицы,
жарче пуха из крыла,
весь прохвачен до крупички
ярким светом добела.

До свечений, до сияний.
Свету движущему в тон
все парсеки расстояний
проницаю, как фотон.

Я включён в такую смету –
не бывает выше смет.
Нет предела мне и свету.
Нету тьмы. И смерти нет.

21 октября 2012 г.

Бабье лето – осень дедовская.
Лет немало в Лету утекло.
Солнце, на прощание лаская,
дарит мне последнее тепло.

Дедовская осень – бабье лето.
Улетели ласточки на юг.
Много тишины и много света.
А душа распахнута для вьюг.

Грянут вьюги – вспомнится мне это:
к дням нелучшим тайный перелом
и душа прощально обогрета
тихим светом, ласковым теплом.

2 августа 2012 г.

Мальчик живёт под порогом подъезда
с рыжим брюшком и спиной смоляной.
Выбрал себе он укромное место
на неприятной планете земной.

Мальчик – собачья дворовая кличка.
Он осторожен, не дружен с людьми.
Самодостаточный пёс-невеличка
под проходными входными дверьми.

Мусорка рядом, жилище под боком,
косточка в баке, в арыке вода.
Очень разумно живёт он под Богом.
Даже завидую псу иногда.

Мальчик неласков. И много опаски
в жёстком прищуре коричневых глаз.
Он избегает общенья и ласки –
видимо, крепко обжёгся не раз.

Знает он: люди привадают сначала,
после взлютуют, три шкуры спустив.
Крепко собачья душа одичала,
людям предательства их не простив.

Видно, и я позабуду едва ли
сколько обидой дрожала щека,
сколько меня, как щенка, пригревали,
сколько пинали потом, как щенка.

Влез бы и я в волосатую шкурку,
шерстью повытенил морду лица,
тоже вот так же забился в конурку
и позабылся один до конца.

13 августа 2012 г.

НА РАССВЕТЕ

Глянесь – восхищенья не сокроешь:
 мириады солнышек в росе,
 и несметной роскошью сокровищ
 ослепляет луг во всей красе.

Вспышки радуг яркие и лучисты
 на ковре зелёном луговом.
 Изумруд, гранат и аметисты
 россыпью просыпаны кругом.

Розоват дымок от папиросы.
 Солнышки сияют и звенят.
 И студёно-дымчатые росы
 до лодыжек ноги леденят.

День был яр. Была прохладна ночка.
 Сизовата дымка над травой.
 Пролегла следов моих цепочка
 по росе сырой и огневой.

Веет свежесть благодатным летом.
 Луг блистает в солнечном огне.
 По искрящим этим самоцветам
 я прошёл, и зябко стало мне.

Чуть чудеса дано скитальцам,
а итог скитания простой:
сор сырой травы, приставшей к пальцам
на ногах, горящих краснотой.

27 ноября 2008, 2012 гг.

Синева пропала в облаке огромном,
и бока его клубятся, как снега.
И на фоне этом белом и объёмном
в высь, кружась, уходит сокол-пустельга.

Веет терпким полынком. И, с гор стекая,
на порогах речка быстрая шумит.
И простор такой, распахнутость такая –
дух захватывает, сердце мне щемит.

25 июня 2012 г.

АЗИАТСКИЙ ВЕЧЕР

Жёлтая кошма реки.
И комарики. Кошмарики!
6 сентября 2012 г.

Чувствую тождество в сходстве портретном
с вольным привольем, ловя наяву
как тополя закипели под ветром,
как синева просквозила листву.

Это ведь мне уготован с полудна
южной жары раскалённый чугунок.
Это ведь я тайноликий, как Будда,
это ведь я вольнодикий, как гунонок.

Это ведь мы – облака над горами,
ветер, горчащий травой чабрецом,
и в золотой солнцепыщущей гамме
вечная высь с человеческим лицом.

Это душа пронизала без страха
эти сплетения вечной молвы,
эти владенья Христа и Аллаха,
это горенье густой синевы.

15 августа 2012 г.

КРАСНЫЕ ХОЛМЫ

В жару мы ехали на бахчи.
Размяк асфальт, как пластилин.
Я, чтобы ехалось помягче,
соломки в кузов постелил.

Полуторка бежала ходко
сквозь яркий летний солнцепал.
Была отличная погода,
вихры мне ветер растрепал.

Я то сидел, скругляя спину,
а то к стоянью прибегал
лицом вперёд, и об кабину
ладони крепко припекал.

Я полон был каких-то планов.
Как вдруг из жаркой кутерьмы
густым огнём степных тюльпанов
хлестнули красные холмы.

Они, кровавые, как смута,
меня спалили в тот же миг,
и поворачивались круто,
пока мы ехали вдоль них.

Под высью с отсветом латуни
присев у заднего борта,
я долго вспять летел, где втуне
осталась эта красота.

И вдоль Васильевского тракта
мне было жалко от души,
что этих диких красок трата
безлюдно буйствует в глуши.

Сквозь много лет, надежд, обманов,
как сновидения из тьмы,
с тех пор во мне огнём тюльпанов
пылают красные холмы.

17 августа 2012 г.

Порой такая дребедень
грызёт нутро, подобно крысе.

Не вижу гор – потерял день.
Утрачиваю чувство выси.

Их льды увидеть в вышине
спешу за Южные ворота*.
И к приземлённости во мне
нет и не видно поворота.

18 августа 2012 г.

* Южные ворота – южная окраина Бишкека.

Нет, я не мудрствовал лукаво
когда душа моя алкала
простых обыденных вещей –
отцовских слов, столовских шей.

Не знался с истинным и ложным
я посреди житейских нужд.
И тот, кто мне казался сложным,
мне оставался просто чужд.

Спасала невооружённость
пред всеми сложностями дня.
И простота, как прокажённость,
стояла насмерть за меня.

17 августа 2012 г.

Снова мне внезапно взять и скрыться бы
в дали, где у лета на краю
ласточки выхватывают крыльцами
синевы упругую струю.

Где свежи оазисы зелёные
вдоль реки небесной чистоты,
и холмы, жарой испепелённые,
выгибают рыжие хребты.

Где ещё хватает солнца яркого,
где ещё в камнях ютится зной,
где осталось малость лета жаркого
перед непогодой затяжной.

25 августа 2012 г.

У плетня, где крапива и мята,
 где трава ещё холодновата
 от росы, непросохшей с утра,
 где белеют снежинки пера
 отдохавших до вечера уток,
 среди венчиков этих и дудок
 купырей, обожжённых росой,
 я стоял, словно в детстве, босой,
 освящённый лирическим светом,
 просвещённый космическим веком,
 я стоял – времени я уйти
 в дом, где собрано всё для пути
 в дальний город –
 от отчего крова.

И, прощаясь,
 для края родного
 не нашёл я прощального слова,
 кроме слова простого: «Прости!»

16 сентября 1988, 2012 гг.

Я из жилистой породы
деревенских мужиков.
Я в восторге от природы,
от небес и облаков.

Сельский парень по природе
у природы на виду
напахался в огороде,
намантулился в саду.

И вошла в меня природа
с материнским молоком.
И видна моя порода
в переплёте хоть в каком.

Городские не такие.
Их селом не заманить.
Дай вам Боже, городские,
городских в себе ценить.

3 октября 2012 г.

Помню: сияет, как зеркало, сталь
узкоколейки среди спелого хлеба.
Рельсы и шпалы прищпорены в даль
как перспектива лестницы в небо.

Я по железной дороге иду.
Синее небо глотаю запоем.
И облаков кучевую грядку
белую-белую вижу за полем.

Солнце по рельсам искрит впереди.
Шпала за шпалой – ступени под ноги.
И от простора просторно в груди
на небоструйной железной дороге.

25 июня 2009, 2011 гг.

САМООТЗЫВ

высоким светом бытия
я полню солнечную лиру
и вся поэзия моя
жива доверчивостью к миру

7 октября 2012 г.

СВЫШЕ

миры и времена доверчивая
тайком поведал мне Господь
душа твоя
весьма доверчивая
нужна ей скепсиса щепоть
11 октября 2012 г.

У судьбы очень редки подарки.
Поутру в декабре городском
заштрихованы тёмные парки
налетающим колким снежком.

Резкий ветер морозен и звонок.
Сыплет снег на деревья во сне.
Позабудься на миг, как ребёнок,
и поддайся его белизне.

Скрасив зимнюю спячку и вялость,
озарит тебя тайно от всех:
жизнь твоя на земле состоялась
откровенно и чисто, как снег.

Сыплет в сумраке белая крупка
на людской и машинный поток.
А в душе твоей нежно и хрупко
угревается зябкий росток.

29 марта 1983, 2011 гг.

Мне хватало солнца и ненастья,
и случалось всё, что может быть,
потому что выпало мне счастье
жить на свете, женщину любить.

И ничем не успокоюсь властью я
сверх всего, что выпало вдвойне.
Счастлив тем, что не ищу я счастья,
потому что свет его во мне.

14 октября 2012 г.

НА ЗАКАТЕ

Вячеславу Шаповалову

Та река, словно светлое зарево.
 В полземли полыхает вода!
 А иначе большие глаза его
 не нашли бы её никогда.

Но седеет его борода.
 Кто-то серый за шторой мерещится.
 А вода, заходя в невода,
 тяжелеет, ленивее плещется,
 и когда с невысоких запруд
 тянет ветер, теплея за хатами,
 засыпает в обнимку с закатами,
 широко расплескав изумруд.

Тишина в этой дальней обители.
 И толкутся, с тоски перебрав,
 слышно – левобережные жители
 с перебранкою у переправ.

А бывшее ещё похороннее.
 И теперь не понять в полусне:
 то село – оно потустороннее
 или просто на той стороне...

9 сентября 1970, 1978, 2005 гг.

Отболели вчерашние боли.
Отоснились тревожные сны.
Зеленеет озимое поле
под косыми лучами весны.

По закрайкам курчавится иней.
Подросла уже озимь на треть.
Ты пришёл со своею гордыней
на зелёное поле смотреть.

Покоритель земли и вселенной,
с побелевшей в пути головой,
остаёшься ты малостью брэнной
перед этой нетленной травой.

Запевают рассветные птахи.
Не болит эта высь ни о ком!
Солнце вяло ползёт по рубaxe
золотым полевым пауком.

Облака с огоньком перламутра!
Изнывает на зелени взгляд,
проникает в холодное утро
всё, что дальние дали сулят.

1988, 2012 гг.

Голуби кружили над посёлком,
опереньем шёлковым блестя, -
языком восторженно пощёлкал
и заулыбался, как дитя.

Даже ноша жизненная сверзлась
с плеч усталых – так была близка
кротость голубиная и дерзость
их неукротимого броска.

И душа, что в теле обитает,
чуя место в небе грозовом,
если уж от тела отлетает,
хорошо бы – вольным сизарём.

Посвистел воздушным акробатам,
о бессмертья зная наперёд,
потому что с детства был крылатым,
потому что верил в свой полёт.

15 апреля 1987, 2012 гг.

НАБРОСОК

Ни дорожной давки, ни народу.
Солнце густо впугалось в кугу.
Поудить и поглядеть на воду
сел я на зелёном берегу.

Жизнь мою с начала вспоминаю.
А вода сияет, как стекло.
Сколько утекло её - не знаю.
Но смекаю: много утекло.

Голубые солнечные воды
льются, как летейские почти.
Молодые гоночные годы!
Дважды в вас, как в реку, не войти.

Мне ничуть минувшего не жалко!
Мне родня вода и камыши.
Мне важна ведь вовсе не рыбалка —
просто нужно мне побыть в тиши.

В глубину моя уходит донка.
Над селом мелькают сизари.
Из глубин, как мячики пинг-понга,
радужно всплывают пузыри.

Вышел мужичок на физзарядку –
 алые лампасы по трусам.
 Тянет жгут резиновый впрысдку,
 вскидывая руки к небесам.

По стволам корявым ходят блики
 от текучей блещущей воды.
 Проводки упругой повилики
 вьются средь мучнистой лебеды.

В воду опрокинуты деревья
 и змеятся в зыби водяной.
 Как спросонья душу протерев, я
 полнось чистотой и глубиной.

В сердце много света, много солнца.
 Равный правом травам, я живу
 где воды зеркальные оконца
 светят в вековую синеву.

1988, 2012 гг.

Вороний ор, и тишина, и дымка –
 трава и листья в росяной пыли.
 И горы в белом холоде зазимка
 от красоты своей изнемогли.

Они громадны среди хрупкой рани.
 На ледниках курится снежный дым
 по сизым пикам, и остры их грани,
 продраенные ветром ледяным.

Быль вековая в скоротечной яви.
 С гор дышит вечность, сердце леденя.
 Как до меня вовек они стояли,
 так будут век стоять после меня.

Они в свои заманивают сети
 осилить высь и пересилить страх.
 И если боги есть на белом свете,
 они живут в заоблачных горах.

Шуршу листвой сырого перелеска.
 Нежданно тишь и свежесть, и роса.

И сапоги, наволгшие до блеска,
сияют, отражая небеса.

Стелю пакет из полиэтилена,
мощусь курить под хмурюю сосной
и слышу среди сырости и тлена
как времена проходят надо мной.

Насквозь переполняюсь тишиною
в раздумьях о себе и о богах.
И горы поднебесные со мною.
И небо на кирзовых сапогах.

15 ноября 1987, 2012 гг.

АЛА-ТОО

Гор заснеженных короны,
синева воздушных ям.
Скирды, как микрорайоны,
у предгорий по полям.

Ветрового полон свиста
вечный купол бытия.
Светят холодно и чисто
ледяные лезвия.

В сердце сгладились углы бы,
если б не были видны
эти колотые глыбы
рафинадной белизны.

Эти вздыбленные круто
запредельные почти
отрицатели уюта,
проторённого пути.

Не отводишь взор от гор ты,
и встают они в тебе,
словно мощные аккорды
непокорству и борьбе.

Эту высь и это пламя
принимаеть ты, граня
всеми острыми углами
сердца, полного огня.

1988, 2012 гг.

ДАРЫ

Природа – без её даров
мы жить и выжить не смогли бы!

На Балатоне
комаров
свели на нет –
не стало
рыбы.

Что комары!
Антимиры
на нас давно имеют виды.
И хлещет космос из дыры
в районе белой Антарктиды.

Дорога –
за витком
виток –
ведёт на ядерный Везувий.
Цивилизации итог
бездумен.
Человек безумен.

Всё,
всё,
что мы на нет свели,
нам возратить – тшета пустая.
И сами
бѣмся мы в пыли,
как рыбы,
вечность ртом хватая.
16 января 1988, 2012 гг.

ТОММИ КОНО

То сбываясь,
а то не сбываясь,
сны проходят –
я ими томим.

Томми Коно –
Железный Гаваец –
был когда-то кумиром моим.

Не какая-нибудь там икона,
а почти запрещённый приём:
я молился тогда
Томми Коно,
я вставал
и ложился при нём.

Над моим потрясающим другом
не светился божественный нимб.
Был он в детстве изломан недугом,
но взошёл на спортивный Олимп!

Подбоченясь,
с журнального фото
на меня

он смотрел со стены,
развернув, как крыла для полёта,
широчайшие мышцы спины.

Не до шмоток и модных ботинок,
я мужал, обиходил семью.
Эту жизнь как один поединок
переламявал в пользу свою.

Кровью, потом победы давались.
Благодетелей нет по родным.
Томми Коно – Железный Гаваец –
был когда-то кумиром моим.

Так кипи, житие – не житуха,
так являй в передряге любой
высоту человеческого духа,
силу воли и власть над судьбой.

26 мая 1988, 2012 гг.

В палящий зной и злые холода,
на небесах, на суше и на море,
и в день, и в ночь, и в радости, и в горе,
любимая, храни тебя звезда.

Где б ни был я, со мною ты всегда,
хотя и не всегда со мною рядом.
Улыбкой лечишь сердце мне и взглядом.
Любимая, храни тебя звезда.

Я б без тебя не выжил никогда.
Но сбылся, раз ты этого хотела.
Ты выстроила душу мне и тело.
Любимая, храни тебя звезда.

Тебя я огорчаю иногда
тем, что устало складываю крылья.
Но ты даёшь мне небо для всесилья,
любимая, храни тебя звезда.

За то, что только мною ты горда,
хотя мизинца твоего не стою,
за то, что жизнь не выдалась пустою,
любимая, храни тебя звезда.

В моих стихах останься на года
простой и светлой, грешной и святою.
Как ты меня хранишь своей звездой,
любимая, храни тебя звезда.

23 ноября 2012 г.

В зимней дымке долька мандарина –
рдея, гаснет солнце над горой.
Это всё и впрямь неповторимо
стылой белоснежною порой.

Вечер, как скукожившийся кокон.
От мороза мне спасенья нет.
Меж стволов холодных, как из окон,
бьёт из-за деревьев скудный свет.

Сумрак в розоватой хмурой гамме
подразмыл гребёнку тополей.
И хрустит с присвистом под ногами
снег среди простуженных полей.

Обогреться шансов нет нисколько.
В лютой надвигающейся мгле
только солнца тлеющая долька
мне напоминает о тепле.

Я гляжу на солнце без опаски –
огненный сегмент, и в нём светло.
Где-то есть на свете остров Пасхи,
там сейчас укромно и тепло.

Надо мной раскаркались вороны.
Где мой южный берег, знойный Крым?
Нет мне от мороза обороны
под последним солнышком моим.

23 ноября 2012 г.

СЕДЛО БАРАШКА

Как ни крути и локтя ни кусай ты,
 всегда есть нечто сверх твоих побед.
 Вот, скажем, жили некогда Форсайты,
 седло барашка
 ели на обед.

Наверное, Форсайтам было тяжело
 на протяжении длительных годин
 час в час,
 день в день
 съедать
 седло барашка
 и пир венчать изысканностью вин.

У них аристократская замашка
 была сильней охоты пить и есть.
 И у Форсайтов съесть седло барашка
 тогда считали многие за честь.

Твои пиры венчает то баклажка,
 то фляжка, то компашка у друзей.
 Ты сроду не едал седло барашка,
 неприхотлив и прост, как ротозей.

Соль грубой снеди истово уважь-ка
как не Форсайт
и не аристократ.
Сермяжная твоя хмельная бражка
седла барашка
 слаще
 во сто крат.

Родился – но не на тебе рубашка?
Не страшно, если без барашка дом.
Страшней,
 когда мы сами,
 как барашка,
друг друга поедаем поедом.

Форсайты
 и иные завалышки –
своё
мы получаем
 поделом:
по сути, все мы чуточку барашки
под чьим-то или собственным седлом.
6 ноября 2012 г.

Пальма первенства опальна
 для поэта в цвете лет.
 И звезда его летальна,
 если он и впрямь поэт.

Чемпионов люди славят –
 свой возвысили народ!
 А поэта – к стенке ставят,
 если вырвался вперёд.

Толпам страшен лидер духа,
 толпам проще у корыт,
 где за сытенское брюхо
 их никто не укорит.

Толпам лишняя докука
 ни к чему. И весь их сказ:
 тот, кто первенствовал, сука,
 пусть свинца нажрётся враз.

Наша участь – оставаться
 у позорного столба.
 Но совались и соваться
 будем дальше, чем толпа!

6 ноября 2008, 2012 гг.

Вверх взбежал по горным серпантинам –
 распахнулась даль во весь простор.
 Видимо, вовеки не найти нам
 ничего заманчивее гор.

Горы потрясают дух величьем,
 манят бросить спешку и тщету
 и побыть чуть-чуть в обличье птичьем
 с сердцем, возлюбившим высоту.

Горы – мой магнитный взлётный полюс
 в этих нескончаемых мирах.
 В городах существованьем полнюсь.
 Высю
 искушаюсь на горах.

С высоты
 все дали вижу разом
 и все выси в синей глубине.
 Я горам заоблачным обязан
 всем что есть высокого во мне.

Я рождён недаром на Памире –
 небо въелось в кровь, как молоко,
 чтобы крылья высоко парили,
 чтобы было видно далеко.

Чтоб, уйдя под бездну огневую,
я себя осмыслил и нашёл
как пылинку малую живую
среди гор, с которых ввысь ушёл.

24 ноября 2012 г.

SMS

я кого-то согрел ненароком
и кого-то обидел в сердцах
и побрёл
 по пустынным
 дорогам
где пространство стоит на часах

и в огромности этой нетленной
без начал и концов
без имён
стал я малой пылинкой вселенной
и унёс меня
 ветер
 времён

кем я был и потрафил я веку ль
без ответа истаял мой след
в стуже атомов
визге молекул
и холодном
 сияньи
 комет

3 апреля 2011, 2012 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ДО БЕРЕГОВ ДРУГИХ

Viva voce	4
В мою честь	5
Посёлок	6
«Перед этой классической синью»	8
«Проходят надо мною облака»	9
Муравей	10
«Выгоревших патриний»	11
«Мои ночные поединки»	13
«Ни врагу неведом я, ни другу»	14
«Жизнь ушла на стихи и на песни»	15
Бараки	16
«Мать-земля, ветра твои прогоркли»	18
Становление	19
Музыка	23
Разрыв	24
Ивы	25
«Когда я слышу гимн России»	26
Ботанический сад	28
Тьма	29
«Я из палатки выполз: тьма и холод»	32
«Не спят поэты по ночам»	33
«Мне Пушкин или Окуджава»	34
Друг	35
Свобода	36
«Барашки облаков пасутся над горами»	37
Паруса	38
Особы	40
«Дикий, ходкий, меховой по-лисьи»	42

«Мальчишки сельские устроили тарзанку»	43
«Лишь слегка отвернулся кузничик»	44
«Остынь у воды от своей невезухи»	45
Бог	46
У деда	48
Лёня	49
«Овсяг, осот, пырей»	50
Пасха	53
«Померла жена, а сын записался»	56
«Среди предзимних скудных красок»	58
«Когда уже надежды нет»	60
«Солнца радужные спицы»	61
Берег	62
«Облако белобоко»	65
«Воробы от солнца спятили»	66
Тропинка	68
Наследство	69
«Патриархальные просторы»	70
«С керосинкой посередке»	73
Приезд	78
«Дождь промчался и шумно, и быстро»	80

2. ТЕАТР ИСТОРИИ

Театр истории	82
«Витии новые стоусты»	85
Под липами	90
«Тихо гасли вечерние краски»	91
«От горшков, керосинок и крынок»	92
Интим	93
Повесть	95
«Пол один, супругов двое»	96

Товар – деньги	97
Заждались горы Алитета	98
Дураки	100
«Фортуна капризная дама»	101
Крест	102
Абака	103
«Надо трезво на вещи смотреть»	105
Поэт – всегда минор	106
«Поэзия – приказ по ротам»	108
Пророк	109
Жена Овидия	110
Хлебников	112
Северянин	113
«Я пришёл к Есенину Серёге»	116
«Был вечер – глух?»	118
«Интимное бельё переполоскано»	120
Стихи Рамису	121
«Русский поэт – всегда хулиган»	124
Пульсар	125
«В гнетущее время застоя»	126
«Эта женщина – вещая птица»	127
«На трибуне Сталин в белом кителе»	128
«Вознесенский в кадре с Горбачёвым»	130
«Вспомнилось: Горбачёв прилетал в Бишкек»	132
Спас	133
Нестабильность	134
«Близко к аду или раю»	135
Сельские потёмки	136
«Крутом другие идеаль»	138
Снежный миг	139

Дон Кихот	140
«Вот и закат наш отглед и отплавился»	143
Арашан	144
«Вскинешь взгляд, не отягчённый мыслью»	145
«Луна, золотая к лету»	146

3. У СУДЬБЫ ОЧЕНЬ РЕДКИ ПОДАРКИ

В полях	148
Психея	151
«Нет во мне темперамента думского»	152
Галактика	153
Паутинка	155
Подснежники	156
«Тропа-колея по зелёному берегу»	157
Рыбацкое	159
Ему, кто в грош меня не ставил	160
«С очами, полными лазури»	161
«Прозрачен воздух, чист до хруста»	162
«Я достал свои краски-кисточки»	163
«От диванов, ласковых подушек»	165
«Под кукование кукушек»	166
«В полночь хлынул»	167
В дождь	170
Dixi	172
Тополя	173
«Без гор не мыслю я пространства»	174
Июльский век	175
Простак	176
Хитрый свет	177
Иносказание	179

Эпюд	180
К портрету	182
«Стожок, прикрытый толем»	183
«Вот – сверчок! – в винограднике тёмном»	184
«Не пишется – не значит нет бумаги»	185
«Смолой нагретой терпко пахнут ёлки»	187
«Открытья маловероятны»	188
«Вечностью листья тебе шелестят»	189
«Я теперь не зависаю в «Гугле»	190
«В неизведанности где-то»	191
«Бабье лето – осень дедовская»	192
«Мальчик живёт под порогом подъезда»	193
На рассвете	195
«Синева пропала в облаке огромном»	197
Азиатский вечер	198
«Чувствую тождество в сходстве портретном»	199
Красные холмы	200
«Порой такая дребедень»	202
«Нет, я не мудрствовал лукаво»	203
«Снова мне внезапно взять и скрыться бы»	204
«У плетня, где крапива и мята»	205
«Я из жилистой породы»	206
«Помню: сияет, как зеркало, сталь»	207
Лирика	208
Самоотзыв	209
Свыше	210
«У судьбы очень редки подарки»	211
«Мне хватало солнца и ненастья»	212
На закате	213
«Отболели вчерашние боли»	214

«Голуби кружили над посёлком»	215
Набросок	216
«Вороний ор, и тишина, и дымка»	218
Ала-Тоо	220
Дары	222
Томми Коно	224
«В палящий зной и злые холода»	226
«В зимней дымке долька мандарина»	228
Седло барашка	230
«Пальма первенства опальна»	233
«Вверх взбежал по горным серпантинам»	234
SMS	236

Мои книги

- «Подсолнух».** Стихотворения. «Мектеп», Фрунзе, 1979 г. 3 печ. листа. 100 стр.
- «Свет в судьбе».** Стихотворения. «Кыргызстан», Фрунзе, 1982 г. 3 печ. листа. 108 стр.
- «Раздолье».** Стихотворения. «Мектеп», Фрунзе, 1984 г. 2,6 печ. листа. 72 стр.
- «Высь».** Стихотворения. «Кыргызстан», Фрунзе, 1988 г. 3,5 печ. листа. 96 стр.
- «Третий раунд».** Стихотворения. «Адабият», Бишкек, 1991 г. 5,2 печ. листа. 142 стр.
- «Некто я».** Стихотворения, палиндромоны. «Просвещение», Бишкек, 2005 г. 23 печ. листа. 369 стр.
- «Зимняя радуга».** Стихотворения, поэма, литературные пародии. «Просвещение», Бишкек, 2006 г. 14,5 печ. листа. 232 стр.
- «Переворачиваю мир».** Палиндромоны. «Просвещение», Бишкек, 2006 г. 14,5 печ. листа, 223 стр.
- «Пульсар».** Книга избранного. Стихотворения, палиндромоны. «Просвещение», Бишкек, 2007 г. 43 печ. листа. 691 стр.
- «Десятая книга».** Стихотворения, палиндромоны. «Салам», Бишкек, 2008 г. 15 печ. листов. 243 стр.
- «Дневная фактура».** Стихотворения, палиндромоны. «Салам», Бишкек, 2008 г. 6,5 печ. листа. 103 стр.
- «Разрыв».** Стихотворения, поэма, палиндромоны. «Салам», Бишкек, 2009 г. 10 печ. листов. 165 стр.
- «Силовое поле».** Стихотворения, палиндромоны. «Салам», Бишкек, 2009 г. 14 печ. листов. 224 стр.
- «Нестабильность».** Новые стихи. «Салам», Бишкек, 2009 г. 6,8 печ. листа. 110 стр.
- «SMS».** Стихотворения. «Салам», Бишкек, 2011 г. 14 печ. листов. 223 стр.
- «Чёрный ящик».** Стихотворения и Книга молчания. «Салам», Бишкек, 2011 г. 227 стр. 14, 25 печ. листа.

ГОВОРИЛИ ОБО МНЕ

(Библиография за 40 лет)

1. Александр Алянчиков. Ещё один год, или История одного дня. «Комсомолец Киргизии» - 1973. – 15 декабря. О жизни и творчестве.
2. Александр Алянчиков. Молодое перо. «Советская Киргизия». – 1978. – 1 ноября. Обзорная статья о поэзии.
3. Александр Кацев. Все думы о земле. «Комсомолец Киргизии». - 1979. – 10 марта. Рецензия на книгу «Подсолнух».
4. Александр Шепеленко. Так и люблю, понимая... «Советская Киргизия». – 1979. – 29 марта. Рецензия на книгу «Подсолнух».
5. Владимир Ермолин. От строки к строке. «Советская культура». – 1979. – 24 июля.
6. Нина Бялосинская. Голоса на меридиане. «Студенческий меридиан». Москва. – 1970. - № 3.
7. Юруслан Тойчубеков. Творческое содружество. «Литературный Киргизстан». – 1979. - № 2. К VII Всесоюзному совещанию молодых писателей в Москве.
8. Вячеслав Шаповалов. На первом перевале. «Вечерний Фрунзе». – 1979. – 28 мая. Рецензия на книгу «Подсолнух».
9. Тендик Аскарров. Доклад VII съезду писателей Киргизии. «Литературный Киргизстан». – 1981. - № 4.
10. Станислав Золотцев. Ради жизни на земле. «Литературная Россия». – 1981. – 17 июля.
11. Александр Кацев. Живая память сердца. «Вечерний Фрунзе». – 1982. – 18 мая. Рецензия на книгу «Свет в судьбе».
12. Александр Зайцев. Быть состраданием природы. «Комсомолец Киргизии». – 1982. – 17 июля. Рецензия на книгу «Свет в судьбе».
13. Александр Шепеленко. Зримые приметы. «Советская Киргизия». – 1983. – 12 января. Рецензия на книгу «Свет в судьбе».

14. Станислав Золотцев. Ради жизни на земле. Тема защиты родины и мира в творчестве молодого поэтического поколения. «Знамя». - 1984. - № 5.
15. Николай Локтев. Покуда жив родник... «Советская Киргизия». - 1985. - 11 июня. Рецензия на книгу «Раздолье».
16. Информация о премии Союза писателей Киргизии за книгу «Раздолье» Александру Никитенко. «Советская Киргизия». - 1985. - 8 мая.
17. Станислав Золотцев. Русская муза земли Ала-Тоо. Заметки критика о поэтических новинках. «Литературный Кыргызстан». - 1988. - № 8. О книге «Высь».
18. Александр Кацев. Некто Александр Никитенко. «Аргументы и факты» в Кыргызстане». - 2005. - № 1. Рецензия на книгу «Некто я».
19. Вячеслав Тимирбаев. Поэт, по сути, чуточку Матросов. Газета «МСН». - 2005. - 22 марта. Рецензия на книгу «Некто я».
20. Георгий Хлыпенко. Экология души. «МСН». - 2005. - 11 октября. Рецензия на книгу «Некто я».
21. Георгий Хлыпенко. Храните радугу в крылах стрекоз! «Литературный Кыргызстан». - 2005. - № 4. Рецензия на книгу «Некто я». (Есть она и на сайте literatura.kg).
22. Вячеслав Тимирбаев. Талант не может быть зарытым. «МСН». - 2006. - 10 марта. Рецензия на книгу «Зимняя радуга».
23. Александр Тузов. Музыка революции на южном берегу БЧК. «Вечерний Бишкек». - 2006. - 10 марта. Рецензия на книгу «Зимняя радуга».
24. Александра Черных. Молчание Рыб переворачивает мир. «Вечерний Бишкек». - 2006. - 24 апреля. О книге «Переворачиваю мир».
25. Вячеслав Тимирбаев. Поэт милостью божьей. «МСН». - 2006. - 23 мая. Взгляд на книги «Некто я», «Зимняя радуга», «Переворачиваю мир».
26. Галина Ким. Взрывная сила доброты. «МСН». - 2006. - 18 июля. Рецензия на книгу «Зимняя радуга».

27. Наталья Зубенко. Александр Блок в творческом сознании русского поэта Кыргызстана Александра Никитенко. «Блоковские чтения». – 2006. – Сборник материалов в связи со 125-летием Александра Блока.
28. Александр Тузов. Чемпион палиндромонов. «Вечерний Бишкек». – 2007. – 22 января. Рецензия на книгу «Переворачиваю мир».
29. Галина Ким. Я рад даря. «МСН». – 2007. – 23 февраля. Рецензия на книгу «Переворачиваю мир».
30. Наталья Зубенко. Александр Никитенко – мастер палиндромона (сборник «Переворачиваю мир»). «Русская литература Кыргызстана: состояние и перспективы. Материалы вузовских студенческих научных чтений». – 2007.
31. Вячеслав Тимирбаев. Вам, сверхдальние наши потомки. «МСН». – 2007. – 17 августа. Рецензия на книгу «Пульсар».
32. Вячеслав Тимирбаев. Лиру не отдал и душу уберёг. «МСН». – 2008. – 4 марта. О сборнике «Десятая книга».
33. Александр Тузов. Маг палиндромонов. «Вечерний Бишкек». – 2008. – 10 марта. О сборнике «Десятая книга».
34. Евгений Денисенко. Дежурный по апрелю. «Вечерний Бишкек». – 2008. – 4 апреля. О жизни и творчестве к моему 60-летию со дня рождения.
35. Александр Тузов. Одиннадцатая книга. «Вечерний Бишкек». – 2008. – 22 августа. Рецензия на книгу «Дневная фактура».
36. Вячеслав Тимирбаев. Стрижами выстрижена высь. «МСН». – 2008. – 19 августа. Рецензия на книгу «Дневная фактура».
37. Александр Кацев. Спасибо за стихи. «МСН». – 2008. – 9 сентября. О книге «Дневная фактура».
38. Гузель Давлетова. Визуальная поэзия Александра Никитенко. Материалы студенческой научно-практической конференции. – 2009.
39. Гузель Давлетова. Визуальная поэзия Александра Никитенко. Дипломная работа. 76 страниц. КPCY. – 2010.

40. Александр Тузов. Форт строф, или Эмиграция в СССР. «Вечерний Бишкек». – 2009. – 27 января. Рецензия на книгу «Разрыв».
41. Вячеслав Тимирбаев. Тем жарче жажда идеала. «МСН». – 2009. – 30 января. Рецензия на книгу «Разрыв».
42. Евгений Денисенко (Владин). Выйди в широкое поле... «Вечерний Бишкек». – 2009. – 26 августа. О книге «Силовое поле».
43. Вячеслав Тимирбаев. Цель жизни – только жизнь. «МСН». – 2009. – 28 августа. Рецензия на книгу «Силовое поле».
44. Александр Тузов. Его четырнадцатая книга. «Вечерний Бишкек». – 2009. – 28 октября. Рецензия на книгу «Нестабильность».
45. Вячеслав Тимирбаев. Подгребайте в будущее. Жду. «МСН». – 2009. – 30 октября. Рецензия на книгу «Нестабильность».
46. Бахтияр Койчуев. Центральноазиатская литература как многофункциональный контекст: история русского дискурса от древности к XXI веку. Монография. КРСУ. – 2010. Научный анализ ряда стихотворений А. Никитенко, палиндромов, сонета-перевертня «Себе небес».
47. Джамия Дандыбаева. Пусть рассудит время и читатель. «Студенческое обозрение». – 2011. – №9. О книге SMS.
48. Вячеслав Тимирбаев. Стихи – это судьба, не ремесло. «МСН». – 2011. -1 июля. О книге SMS.
49. Александр Тузов. SMS от патриарха. «Вечерний Бишкек». – 2011. – 1 июля. О книге SMS.
50. Вячеслав Тимирбаев. А главное – всё-таки талант. О поэзии Александра Никитенко. «МСН». – 2011. – 9 декабря. Рецензия на книгу «Чёрный ящик».
51. Александр Тузов. Откуда родом он навек. «Вечерний Бишкек». – 2011. – 20 декабря. Рецензия на книгу «Чёрный ящик». В обзорной статье «Дервиш в пейзаже мегаполиса».

Александр Иванович Никитенко

Мостовая времён

Стихотворения

Подписано в печать 2012 г. Формат 70х108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Усл. печ. л.14,3 Заказ 87.